

17. 151. 1. 20.

СБОРНИКЪ

ЗЛКА

Изд., "ТАРУСЪ" "ТТТ".

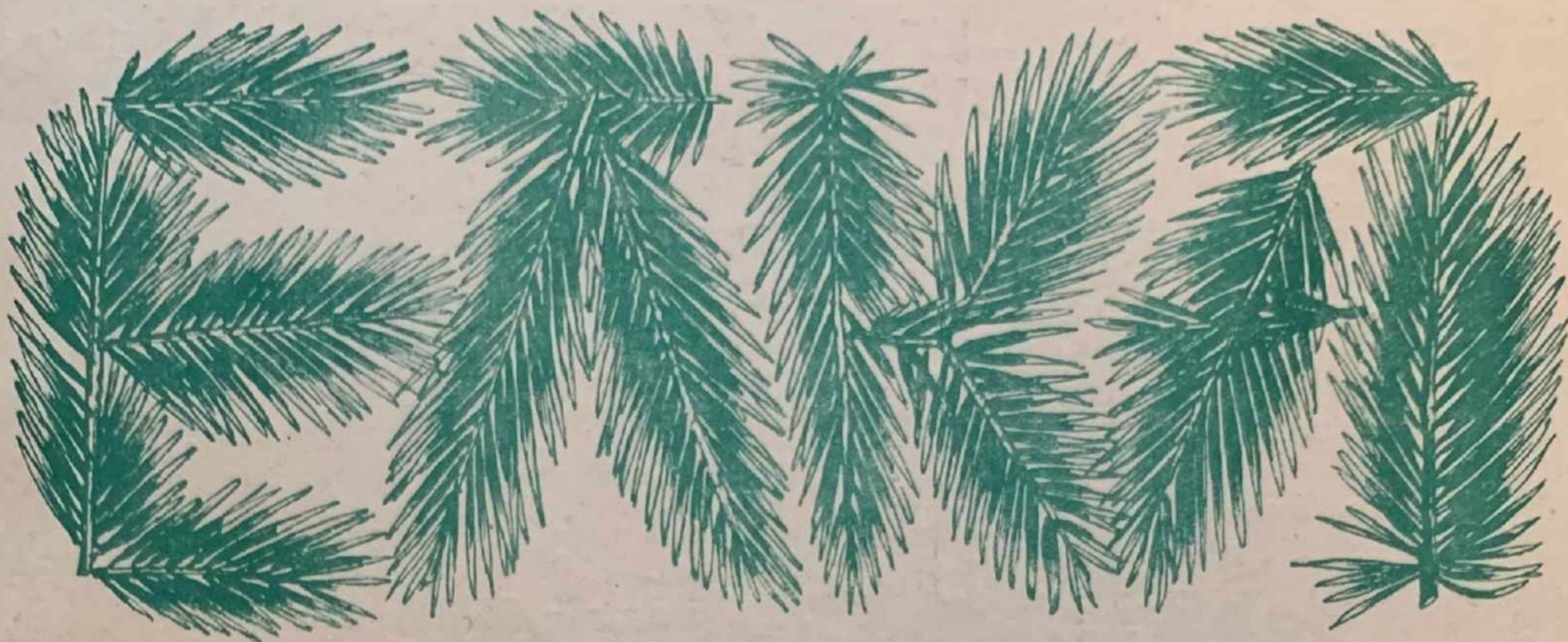
Д Ъ Т С К І Я
К Н И Г И

П О Д Ъ
Р Е Д А К Ц І Е Й

А Л Е К С А Н Д Р А Б Е Н У А

М . Г О Р Ъ К А Г О

**КНИЖКА
ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ
ДѢТЕЙ**

**СОСТАВИЛИ
АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА
И К. ЧУКОВСКІЙ**

1918 г.

САМОВАРЪ.

Было это лѣтпей почью на дачѣ.

Въ маленькой комнатѣ стоялъ на столѣ у окна пузатый самоваръ и смотрѣлъ въ небо, горячо распѣвая:

— Замѣчате ли, чайникъ, что луна
Чрезвычайно въ самоваръ влюблена?

Дѣло въ томъ, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставивъ чайникъ на конфоркѣ; углей въ самоварѣ было много, а воды мало, — вотъ онъ и кипятился, хвастаясь предъ всѣми блескомъ своихъ мѣдныхъ боковъ.

Чайникъ былъ старенькій, съ трещиной на боку, и очень любилъ дразнить самоваръ. Онъ ужъ тоже пачиналъ закипать; это ему не нравилось, — вотъ онъ поднималъ рыльце кверху и шпипитъ самовару, подзадоривая его:

— На тебя луна
Смотритъ свысока,
Какъ на чудака, —
Вотъ тебѣ и — на!

Самоваръ фыркаеть паромъ и ворчить:

— Вовсе пѣтъ. Мы съ ней—сосѣди,
Даже нѣсколько родня:
Оба сдѣланы изъ мѣди,
Но она—тусклѣй меня,
Эта рыжая луниска,—
Вотъ на ней какія пятна!

— Ахъ, какой ты хвастуниска,
Даже слушать неприятно!—

зашипѣлъ чайникъ, тоже выпуская изъ рыльца горячій паръ.

Этотъ малепькій самоваръ и вправду очень любилъ хвастаться, онъ считалъ себя умницей, красавцемъ, ему давно уже хотѣлось, чтобъ луну сняли съ неба и сдѣлали изъ нея подносъ для него.

Форсисто фыркая, онъ будто не слышалъ, что сказалъ ему чайникъ,—поеть себѣ во всю мочь:

— Фухъ, какъ я горячъ!
Фухъ, какъ я могучъ!
Захочу—прыгну, какъ мячъ,
На луну выше тучъ!

А чайникъ шипитъ свое:

— Вотъ извольте говорить
Съ такою особой.
Чѣмъ зря воду-то варить,
Ты—прыгни, попробуй!

Самоваръ до того раскалился, что посинѣлъ весь и дрожить, гудить:

— Покиплю еще немножко,
А когда наскучитъ мнѣ,—
Сразу выпрыгну въ окошко
И женюся на лунѣ!

Такъ они оба все кипѣли и кипѣли, мѣшая спать всѣмъ, кто былъ на столѣ.
Чайникъ дразнить:

— Она тебя круглѣй.
— Зато въ ней нѣтъ углей,—

отвѣчаетъ самоваръ.

Синій сливочникъ, изъ котораго вылили всѣ сливки, сказалъ пустой стеклянной сахарницѣ:

— Все пустое, все пустое!
Надоѣли эти двое!

— Да, ихъ болтовня
Раздражаетъ и меня,—

отвѣтила сахарница сладенькимъ голосомъ. Она была толстая, широкая и очень смѣшлива, а сливочникъ—такъ себѣ, горбатеиькій господинъ унылаго характера съ одной ручкой; онъ всегда говорилъ что-нибудь печальное.

— Ахъ,—сказалъ онъ,—

Всюду—пусто, всюду—сухо,
Въ самоварѣ, на лунѣ.

Сахарница, пожившись, закричала:

— А въ меня залѣзла муха
И щекочетъ стѣнки мнѣ...
Охъ, охъ, я боюсь,
Что сейчасъ засмѣюсь!

— Это будетъ странно—слышать смѣхъ стеклянный,—невесело сказалъ сливочникъ.

Проснулась чумазая тушилка и зазвенѣла:

— Дзинь! Кто это шипитъ?
Что за разговоры?
Даже китъ ночью спитъ,
А ужъ полночь скоро!

Но, взглянувъ на самоваръ, испугалась и звенить:

— Ай, люди всѣ ушли
Спать или шляться,
А вѣдь мой самоваръ
Можетъ распаяться!
Какъ они могли забыть
Обо мнѣ, тушилкѣ?
Ну, придется имъ теперь
Почесать затылки!

Тутъ проснулись чашки и давай дребезжать:

— Мы скромныя чашки,
Намъ все все равно!
Все эти замашки
Мы знаемъ давно!
Намъ ни холодно, ни жарко,
Мы привыкли ко всему!
Хвастунъ самоварко,
И не вѣримъ мы ему.

Заворчалъ чайникъ:

— Ф-фу, какъ горячо,
Жарко мнѣ отчаяно.
Это не случайно,
Это чрезвычайно!

И—лопнулъ!

А самоваръ чувствовалъ себя совсѣмъ плохо: вода въ немъ давно вся выкипѣла, а онъ раскалился, кранъ у него отпаялся и повисъ, какъ носъ у пьянаго, одна ручка тоже вывихнулась, но онъ все еще храбрился и гудѣлъ, глядя на луну:

— Ахъ, будь она ясныѣй,
Не прячься она днемъ,
И подѣлился бь съ ней
Водою и огнемъ!
Она со мной тогда
Жила бы не скучая,
И шель бы дождь всегда
Изъ чая!

Онъ ужъ почти не могъ выговаривать словъ и наклонялся на бокъ, но все еще бормоталъ:

— А если днемъ она должна ложиться спать,
Чтобъ по почамъ свѣтлѣй сіяло ея допце,—
Я могъ бы па себя и днемъ и ночью взять
Обязанности солнца!
И свѣта и тепла землѣ я больше дамъ,
Вѣдь я его и жарче и моложе!
Свѣтитъ и ночь и день ему не по годамъ,—
А это такъ легко для мѣдной рожи!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенить:

— Ахъ, это очень мило!
Это очеь лестно!
Я бы солнце потушила,
Ахъ, какъ интересно!

Но тутъ—кракъ!—развалился самоваръ на кусочки, крапъ клюкнулся въ полоскательную чашку и разбилъ ее, труба съ крышкой высунулась вверхъ, покачалась, покачалась и упала на бокъ, отколовъ ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочетъ:

— Вотъ смотрите: люди вѣчно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надѣть па трубу!

А чашки, ничего не боясь, хохочутъ и поютъ:

— Жилъ-былъ самоваръ,
Маленькій, да пылкій,
И однажды не прикрыли
Самоваръ тушилкой!
Былъ въ немъ сильный жаръ,
А воды немного;
Распаялся самоваръ,—
Туда ему дорога,
Туда и дорога-а!

*М. Горькій.
Рисунки Ю. Анненкова.*

Какъ ирвизалъ зайчикъ

Ой, какъ тонко-тоненько
Мишка завизжалъ:
Зайчикъ съ подоконника
Прыгнулъ-побѣжалъ—
Съ няни да на Мишку,
Съ Мишки—на книжку,
Съ книжки—на стѣнку,
Со стѣнки—на колѣнку,
Съ колѣнки да на полъ,
Съ полу—на полку,
Съ полки—на елку,
Прямо въ зубы волку.
Прыгъ! и пропалъ...

Натанъ Венгровъ.

ДЖЕКЪ

ПОБѢДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВЪ

АНГЛИЙСКАЯ ПАРОДНАЯ СКАЗКА, СЪ РИСУНКАМИ В. ЗАМИРАЙ.Ю.

орошо было въ деревнѣ. Люди жили и радовались. Вдругъ откуда-то пришелъ великанъ Корморанъ и поселился въ пещерѣ — страшный, рыжій, зубастый, съ дубиной.

Каждое утро онъ выходилъ на дорогу и кого поймаешь, того

съѣсть: козла, пѣтуха, свинью. Кошку поймаешь—и кошку съѣсть. Схватить человѣка—и въ ротъ. Одинъ мужикъ везъ дрова на базаръ, такъ великанъ Корморанъ сожралъ и его, и кобылу, и дрова, и телѣгу,—даже кнута не оставилъ. Жадный былъ обжора несытый.

Мужики боялись его. Они и не думали отнимать у него свое добро, а сами же припосили ему что повкуснѣе:

- Скушайте, господинъ Корморанъ!
- Пріятнаго аппетита, господинъ Корморанъ!
- Не желаете ли еще, господинъ Корморанъ?

И кланялись ему, какъ важному барину. А онъ ходитъ, злодѣй, по деревнѣ и давить ихъ сапогами, какъ мухъ. А то хлопнетъ по домишкамъ дубиной, домишки вдребезги, а ему хоть бы что. Шла по улицѣ дѣвочка Дженни, такъ онъ, безсовѣстный, и ее проглотилъ,—и какъ не подавился, злодѣй!

Но почему же мужики не прогнали его? Вѣдь если бы всѣ они, сколько ихъ есть, накинулись на него съ топорами, небось, онъ пересталъ бы злодѣйствовать, испугался бы, забился бы въ берлогу, но мужики были трусы, но мужики были глупы и стучали лбомъ предъ мучителемъ:

- Скушайте еще, господинъ Корморанъ.

А господину Корморану чего же и нужно. Онъ растолстѣлъ, разжирѣлъ, сталъ такой огромный, какъ домъ, ужъ ему лѣнь повернуться: валяется въ пещерѣ весь день, а вечеромъ проснется и крикнетъ:

*

— Эй ты, мужичокъ, иди-ка сюда, да живѣе, я тебя сейчасъ буду ѣсть.

— Иду, ваша милость, иду,—покорно отзывался несчастный.—Вотъ онъ я, весь предъ тобою! Купай меня на здоровье!

И жилъ бы великапъ Корморанъ тысячу лѣтъ до сегодня и съѣлъ бы и меня и тебя, если бы не малепькій мальчикъ, котораго звали Джекъ.

Джекъ былъ смѣлый, никого не боялся; онъ рѣшилъ наказать великана, отрубить ему голову, чтобъ не смѣлъ никого обижать.

Такой малenkой, какъ же онъ справится съ такимъ огромнымъ чудовищемъ! Да великанъ его пальцемъ раздавить, дунеть на него—и копецъ: Джекъ улетитъ, какъ пылица!

И все же Джекъ спозаранку, чуть свѣтъ, когда всѣ еще спали, взялъ отцову большую лопату, пробрался тихомолкомъ къ пещерѣ, гдѣ жилъ великанъ, и сталъ тутъ же, у самага входа, копать большую, глубокую яму. Трудно было

копать: земля мерзлая, пальцы ледепьютъ, лопата вываливается, по Джекъ не унываетъ, копаетъ, копаетъ, копаетъ, копаетъ, копаетъ, не остановится ни на мпнуту отдохнуть.

Великанъ не спитъ. Онъ сидитъ въ пещерѣ у костра и доѣдаетъ теленка. Вотъ онъ взялъ огромное полѣно и сталъ ковырять имъ въ зубахъ. Это его зубочистка. А какіе у него страшные зубы! Торчатъ изъ рта, какъ пожи.

У Джека сломалась лопата. Джекъ царапаетъ землю ногтями. Яма все шире, все глубже. Джекъ прикрылъ ее сосновыми вѣтками, а вѣтки засыпалъ снѣжкомъ,—пздали и незаметно, что яма; кажется, что гладкая земля.

Выкопавъ яму, Джекъ страшно усталъ, но и не подумалъ объ отдыхѣ. Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и крикнулъ:

— Эй ты, Корморашка, вставай, или я откушу тебѣ голову!

И кинулъ камень прямо въ лобъ великану.

Тотъ разозлился и яростно, со страшнымъ ругательствомъ, бросился за Джекомъ изъ пещеры, да бухъ въ яму, на самое дно! Онъ думалъ, что прыгаетъ на гладкую землю, а прыгнулъ въ западню, прикрытую вѣтками.

Онъ и туда и сюда, плачетъ, ругается, грозитъ кулаками, а Джекъ говоритъ ему:

— Ты самъ виноватъ. Такъ тебѣ и надо, злодѣю. Ты думалъ, можно мучить людей безнаказанно; вотъ тебѣ награда за твои злодѣянія.

И отрубилъ ему голову.

Когда въ деревнѣ узнали объ этомъ, вотъ радовались, вотъ веселились.

— Онъ нашъ спаситель!—говорили о Джекѣ и обнимали и цѣловали его.

А дѣвушки подарили ему шелковый поясъ, на которомъ были вышиты слова:

«Самый сильный, самый смѣлый человекъ—

Это Джекъ.

Побѣдилъ онъ великана

Корморана».

Джекъ опоясался этимъ шелковымъ поясомъ, наточилъ свою саблю и ушелъ путешествовать. Очепь ему хотѣлось побѣдить и другихъ великановъ, которые мучатъ и терзаютъ людей. Особенно непаваستنъ ему былъ великанъ Блендерборъ, дядя Корморана,—такой же злодѣй, какъ и племянникъ. Джекъ только о томъ и мечталъ, какъ бы побѣдить Блендербора. Не пришла весна, пришло лѣто, а Блендерборъ не попадался. Вотъ однажды, уставъ отъ духоты и жары, Джекъ кинулся въ капаву и заснулъ, а мимо, какъ нарочно, идетъ Блендерборъ. Прочиталъ Блендерборъ, что вышито у Джека на поясѣ, и задумалъ его погубить:

— Я отомщу тебѣ, негодный мальчишка, за моего милаго дядюшку.

Блендерборъ былъ не простой великанъ, а двухголовый: у него были двѣ головы—одна маленькая, другая большая. Онѣ вѣчно враждовали другъ съ дружкой и откусили бы другъ-дружкѣ носы, если бы великанъ не давалъ имъ щелчковъ. Увидя спящаго Джека, одна голова закричала, что его нужно сварить, а другая—что его нужно изжарить. Отъ злости онѣ начали стучаться лбами.

— Сварить!—кричала одна голова.

— Изжарить!—кричала другая.

Увидѣвъ, что Джекъ проснулся, онѣ сразу прикусили языки, притворились добрыми и ласковыми и вдругъ тоненькими голосками заплѣли:

— Хорошо ли тебѣ, дѣточка, въ канавкѣ?

— Хорошо ли тебѣ, маленькій, на травкѣ?

- Мы тебя, голубчика, такъ любимъ.
- Приласкаемъ мы тебя и приголубимъ.
- Мы снесемъ тебя, голубчика, въ постельку.
- Мы тебя уложимъ въ колыбельку.
- Угостимъ тебя мы леденцами.

Тутъ онѣ засмѣялись и шопотомъ сказали другъ-другу:

- А потомъ покушаемъ и сами.

Онѣ думали, что онѣ не слыхалъ этихъ словъ, но Джекъ отлично ихъ слышалъ. Онѣ понялъ, что злодѣй Блепдерборъ замышляетъ взять его къ себѣ во дворецъ—и съѣсть. Онѣ попробовалъ улѣзнуть, но тотъ схватилъ его и сунулъ въ карманъ. Припесъ къ себѣ во дворецъ, вынулъ изъ кармана и положилъ на кровать.

- Спокойной ночи, дѣточка!—сказала одна голова.

- Приятныхъ сновидѣній, малюточка!—сказала другая.

Обѣ онѣ ласково поклонились ему, но Джекъ слышалъ, какъ онѣ говорили за дверью: «когда этотъ мальчишка уснетъ, цокнемъ его дубиной по головѣ, положимъ въ кастрюльку и сваримъ».

- Нѣтъ, изжаримъ!

- Нѣтъ, сваримъ!

Джекъ вскочилъ на ноги и сталъ въ ужасѣ бѣгать по комнатамъ. Убѣжать бы! Но комната заперта. И вдругъ онѣ придумалъ хитрую штуку. Вотъ здорово! Онѣ спрячется тутъ за печкой, а на кровать положить, вмѣсто себя, вотъ это полѣно изъ печки: оно какъ-разъ такого роста, какъ онѣ. Сказано—сдѣлано: полѣно лежитъ на кровати, Джекъ укрываетъ его одѣяломъ, а самъ прячется за печкой и ждетъ. Вотъ послышались шаги великана, весь дворецъ задрожалъ, какъ коробочка. Въ рукахъ у великана дубина, онѣ подкрался къ Джекиной кровати и какъ хлопнетъ по полѣну: разъ! разъ! Перебилъ полѣно пополамъ, а Джекъ сидитъ себѣ за печкой невредимый.

— Наконецъ-то я покончилъ съ мальчишкой!—весело сказалъ великанъ и ушелъ, а дверей не закрылъ. Джекъ пробрался къ великану въ спальню. Тотъ лежалъ на кровати и спалъ. Джекъ засунулъ руку подъ подушку и вытащилъ большой желѣзный ключъ, на которомъ было написано: *ключъ отъ подвала*. Джекъ давно уже зналъ, что у великана въ подвалѣ дворца томится въ неволѣ прекрасная принцесса Мопесса; онѣ побѣжалъ въ подземелье, выпустилъ принцессу на волю, а самъ скорѣй въ опочивальню и заснулъ.

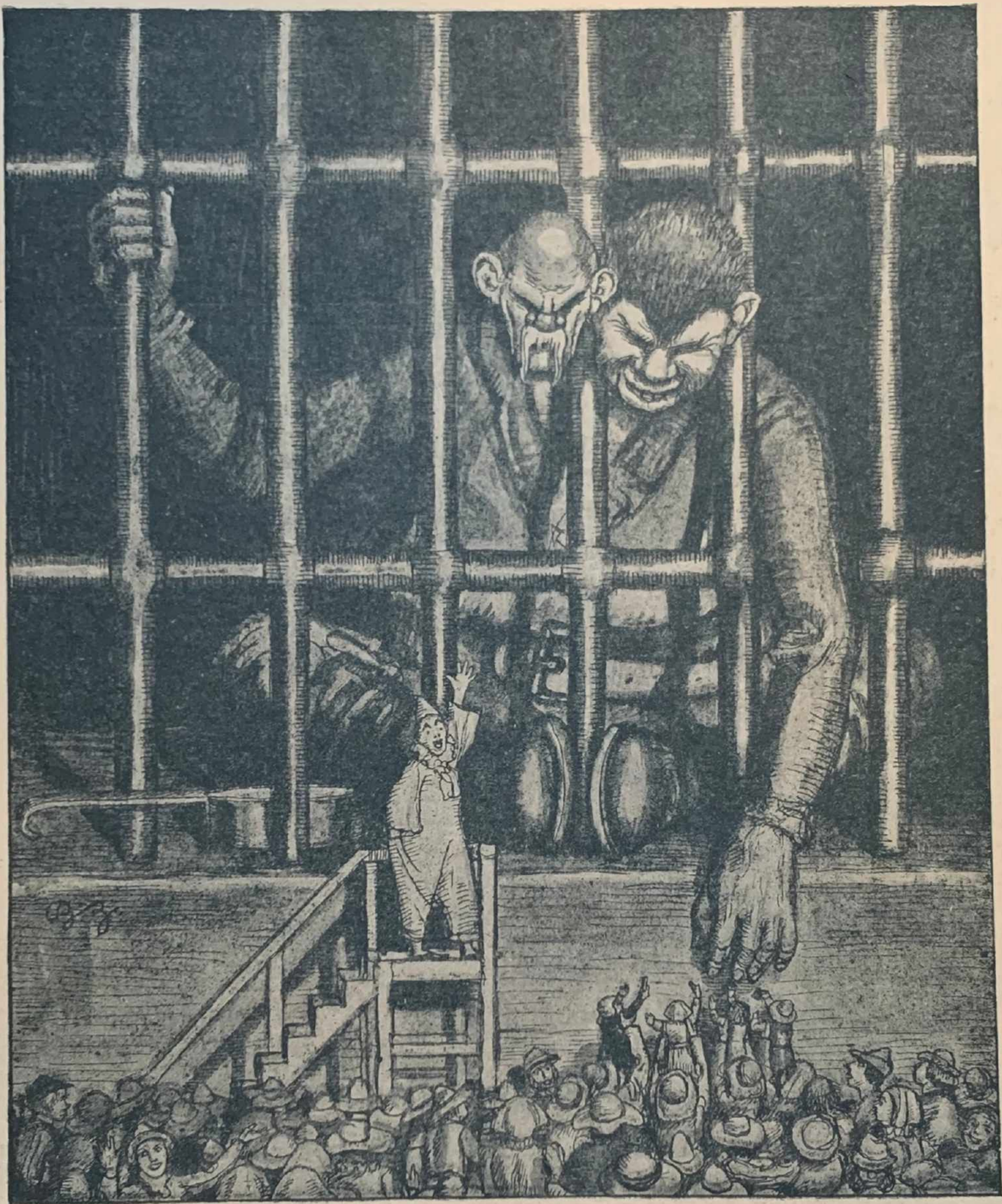
Утромъ онѣ проснулся, умылся и входитъ въ покой къ великану. Великанъ какъ увидѣлъ его, задрожалъ. Неужели это Джекъ? Откуда? Вѣдь онѣ самъ своею рукою раздробилъ ему черепъ дубиной:

- Ты живой! Ты не умеръ?

- Съ чего же мнѣ умирать!—сказалъ Джекъ.

- А ночью... ты не чувствовалъ ударовъ?

— Пустяки!—сказалъ Джекъ,—пробѣжала какая-то мышка, хлопнула меня по носу хвостикомъ—и убѣжала.

«Ну и силачъ!»—подумалъ великанъ.—«Не даромъ онъ побѣдилъ Корморана. Для него моя дубина—все равно что мышкинъ хвостъ. Онъ гораздо сильнѣе меня».

Пошелъ великанъ въ подземелье, а принцессы Монессы пѣтъ: Джекъ освободилъ ее изъ плѣна. «Должно быть, этотъ Джекъ чародѣй»,—подумалъ великанъ, оторопѣвъ; побѣжалъ къ Джеку, да бухъ на колѣни:

— Не погуби, пощади, больше не буду, ей-Богу.

— Не бойсь!—сказаль Джекъ,—я и такъ тебѣ вѣрю. Встань, я дарю тебѣ жизнь. Но помни: если ты обидишь хоть одного человѣка, я отрублю тебѣ обѣ твои головы.

И повелъ великана въ городъ. Тотъ шель за нимъ, какъ маленькій ребенокъ. Джекъ привелъ его на ярмарку къ содержателю цирка, который посадилъ его въ клѣтку и сталъ показывать дѣтямъ. Дѣти очень полюбили великана, кормили его сахаромъ, изюмомъ, гладили его по головамъ.

А Джека позвалъ къ себѣ старый король, отецъ прекрасной принцессы Монессы.

— Ты спасъ мою дочь,—сказаль онъ.—Возьми же ее себѣ въ жены.

Но Джекъ отвѣтилъ:

— Спасибо, не надо. Не охота мнѣ жениться на принцессѣ. Я женюсь на свинопасовой дочкѣ.

Вотъ была свадьба! Пировали всю ночь, а потомъ пошли къ великановой клѣткѣ и стали кормить великана пряниками.

Пересказаль К. Чуковский.

О ГЛУПОМЪ ЦАРЬ

НОРВЕЖСКАЯ СКАЗКА. РИСУНОК В. ХОДАСЕВИЧЪ. ПЕРЕКАЗЪ К. ЧУКОВСКАГО

иль-быль Петеръ, безъ отца, безъ матери. Онъ варилъ себѣ кашу. Вдругъ видитъ: идетъ къ нему царь. Вздумалъ Петеръ подшутить надъ царемъ: вытащилъ изъ печки котелъ, въ которомъ варилась каша, поставилъ котелъ на полъ, а самъ сѣлъ у котла и запѣлъ:

— Варись, моя каша,
Безъ огня, безъ жару,
Для мышатъ, для котятъ,
Для мохнатыхъ чертенятъ.

Царь вошелъ въ избу и удивился:

— Что это ты, Петеръ, сидишь на полу?

— Кашу варю,—отвѣчаетъ Петеръ.—Видишь, булькаетъ, сейчасъ закипитъ.

— А гдѣ же огонь? гдѣ же печка?

— А я безъ огня,—отвѣчаетъ Петеръ.—Поставлю ее на полъ, и кипитъ.

На огнѣ всякій дуракъ сваритъ кашу, а ты попробуй, свари безъ огня!

*

— Безъ огня!

— Смотри самъ.

Сѣлъ царь на корточки, смотритъ: каша и вправду кипитъ—булькаетъ въ горячемъ котлѣ!

Супуль царь палецъ, обжегся.

— Вотъ такъ чудо!—удивляется царь.—Что это у тебя за чудесный котель?

— Заколдованный!—отвѣчаетъ Петеръ.—Сыпь въ него что хочешь, ставь его на голой землѣ, все сварить, и печки не надо.

У царя отъ жадности даже слюна потекла. Ласково посмотрѣлъ опъ на Петера:

— Продай мнѣ, Петруша, этотъ котель.

— Нѣтъ, не продамъ, не могу. Не охота мнѣ за дровами ходить.

— Ну, пожалуйста.

— Нѣтъ, ни за что.

Долго упрашивалъ царь. Накопецъ Петеръ согласился. Высыпалъ кашу въ горшокъ, подалъ царю пустой котель и сказалъ:

— Сыпь сюда золота до самаго верху. Золото—мнѣ, а котель—тебѣ.

Царь отвалилъ ему золота, схватилъ котелокъ и бѣгомъ.

Прибѣжалъ во дворецъ, созвалъ своихъ вельможъ и говоритъ:

— Вотъ сейчасъ я угощу васъ обѣдомъ, какого вы не ѣли никогда!

Вельможи обрадовались: они были очень голодные.

Царь поставилъ котель посрединѣ дворца, навалилъ туда сала, картошки, налилъ воды, накрылъ крышкой и ждетъ, что вотъ-вотъ закипитъ. Ходитъ надъ котломъ и улыбается.

Вельможи улыбаются тоже: давно они не ѣли картошки.

Но проходитъ часъ, проходитъ два, а картошка и не думаетъ вариться. Вода въ котлѣ ледяная-холодная.

Царь поминутно подбѣгаетъ къ котлу, трогаетъ его справа и слѣва, а котель холоднѣе, чѣмъ былъ.

Вельможи съ голоду хмурятся, дуются: не доведется имъ сегодня обѣдать.

Люди заглядываютъ въ окна дворца и гогочутъ.

Понялъ царь, что Петеръ насмѣялся надъ нимъ,—какъ подбѣжить къ котлу, какъ ткнуть его со всего размаха ногой, картошка такъ и разсыпалась по полу, а самъ замахалъ кулаками и безъ шапки—бѣгомъ—прямо къ Петеру.

— Вотъ я тебѣ покажу! погоди!

Ц.

А Петеръ взялъ пистолетъ, зарядилъ его клюквой и сказалъ своей сестрѣ Катеринѣ:

— Я ложусь спать. И смотри, чтобы меня не будили. Кто разбудитъ, того застрѣлю.

Легъ на кровать и храпитъ.

Тутъ вбѣжалъ въ избу царь, разъяренный. Машетъ руками, оретъ:

— Гдѣ этотъ обманщикъ? Гдѣ злодѣй?

— Тише, ваша милость, мой братъ поживаетъ,—шопотомъ говоритъ Катерина.—Пожалуйста, не будите его.

— Разбудить негодяя сію же минуту!—заревѣлъ испуганный царь.

— Рада бы, да не смѣю: убьетъ.

— А не разбудишь, такъ убью тебя я!

Нечего дѣлать, подошла Катерина къ кровати и крикнула:

— Петеръ, вставай!

Вскочилъ Петеръ на ноги и хлопъ!—выстрѣлилъ въ сестру изъ пистолета, Сестра такъ и грохнулась на полъ. Изъ раны у нея хлынула кровь: на самомъ дѣлѣ то была не кровь, а клюквенный сокъ, потому что Петеръ зарядилъ свой пистолетъ не пулей, а клюквой,—но царь не зналъ объ этомъ и завопилъ:

— Что ты надѣлалъ? Убийца! Ты убилъ свою родную сестру!

— Не бѣда! Не беспокойся,—сказалъ Петеръ.—Я могу ее и воскресить.

— Да вѣдь она умерла!

— Ну такъ что жъ. Вотъ смотри: я достаю изъ кармана волшебную дудочку. играю на ней тра-та-та, и сестра моя поднимается съ полу и танцуетъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Онъ заигралъ тра-та-та и лукаво подмигнулъ своей сестрѣ.

Та вскочила и пошла танцовать.

— Продай эту волшебную дудочку мнѣ,—взмолился одуроченный царь.

Долго не соглашался Петеръ, наконецъ продалъ царю самодѣлковую камышевую дудочку за тысячу тысячъ рублей.

Царь сунулъ дудку въ карманъ и весело побѣжалъ во дворецъ. А навстрѣчу ему царица, сварливая, злая старуха. Стала она кричать на царя, вцѣпилась ему въ бороду, отхлестала его по щекамъ; онъ разозлился, схватилъ пистолетъ и хлопъ изъ пистолета въ нее.

Царица такъ и грохнулась наземь.

— Что вы надѣлали?—закричали вельможи.—Вы застрѣлили царицу!

— Не бѣда,—отвѣчаетъ царь,—пустяки. Я могу вѣдь ее воскресить.

— Да она умерла!

— Ну такъ что же? Вотъ смотрите: я достаю изъ кармана волшебную дудочку, играю на пей тра-та-та... и царица поднимается съ полу.

Но какъ онъ ни старался, какъ ни дулъ, мертвая лежала и не двигалась. У царя чуть не лопнули щеки, чуть не выскочили глаза изо лба, такъ онъ сильно дулъ въ свою дудку, а убитая жена не воскресла.

Понялъ царь, что Петеръ опять насмѣялся надъ нимъ, и въ бѣшенствѣ бросился къ Петеру.

А Петеръ стоитъ на порогѣ избы, ухмыляется.

— Связать этого молодца!—крикнуть царь.—И посадить его въ бочку! Пусть знаетъ, какъ смѣяться надо мною.

Вельможи схватили Петера, поволокли его на высокую гору, посадили въ дубовый боченокъ, наглухо заколотили и ушли.

Завтра, чуть свѣтъ, придетъ царь—и толкнетъ его ногою прямо въ море!
Но Петеръ и не думаетъ плакать. Онъ весело и лихо поетъ:

— Какъ я радъ, какъ я радъ,
Что вы всѣ пойдете въ адъ.
Я же въ небо укачу,
Прямо въ рай улечу.

Шелъ мимо богатый старикъ. Смолоду онъ былъ большой грѣшникъ и
зналъ, что не миновать ему ада. А ему, конечно, хотѣлось въ рай. Онъ только

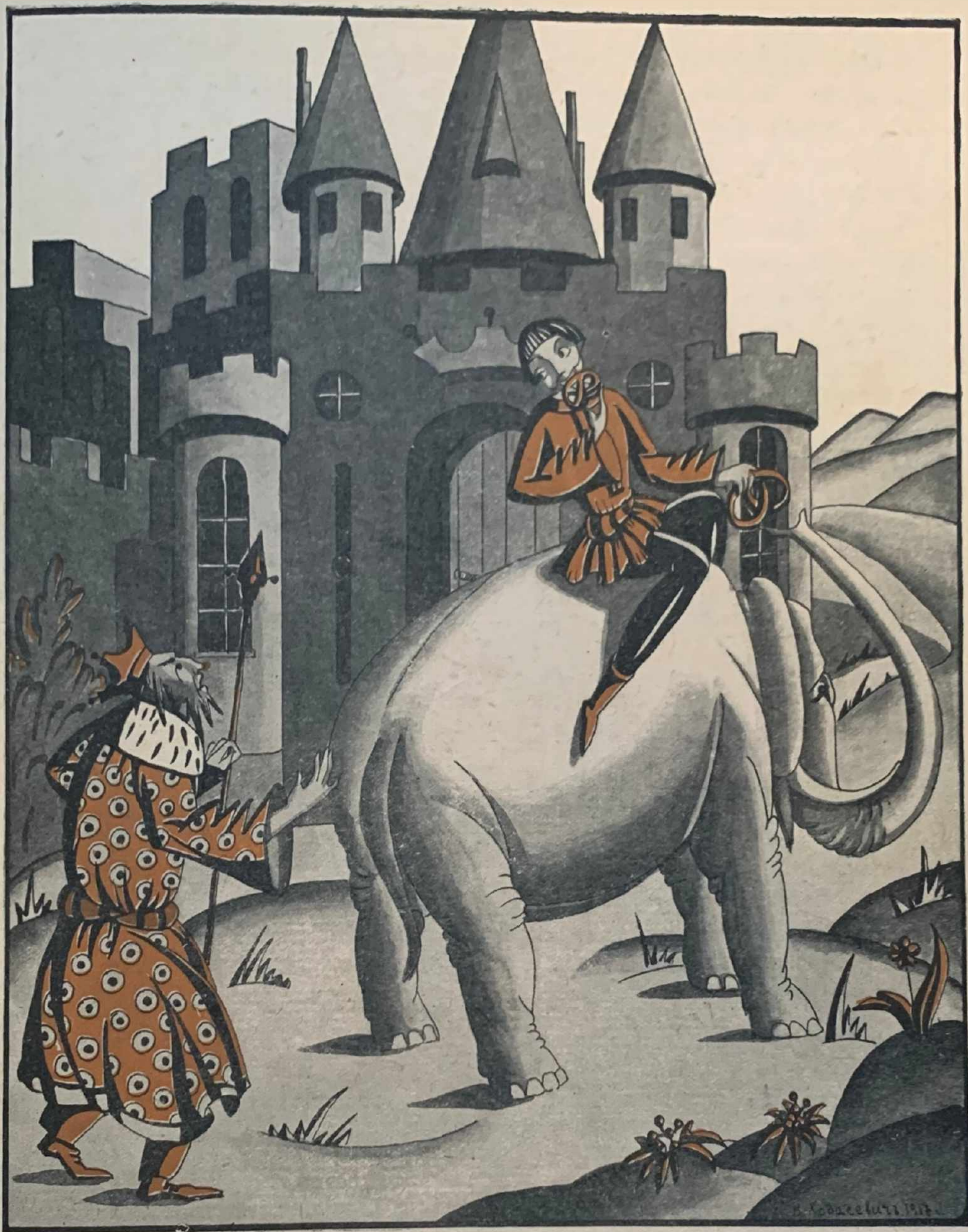
и думалъ о томъ, какъ бы попасть ему въ рай. Услышалъ онъ Петерину пѣсню
подошелъ къ боченку и спрашиваетъ:

— А откуда ты знаешь, что попадешь въ рай?

— Развѣ ты не видишь,—отзывается Петеръ,—что этотъ боченокъ волшебный.
Онъ сдѣланъ изъ райскаго дерева. Посади въ него самаго лютаго грѣшника, и
тотъ полетитъ прямо въ рай. Я нарочно залѣзъ въ него, чтобы очутиться въ раю.

— Да не можетъ быть!—закричалъ грѣшникъ, и даже руки у него задро-
жали.—Пусти меня въ эту бочку.

— Что ты, что ты!—возражаетъ Петеръ.—Боченокъ тѣсный, не помѣстится
вдвоемъ.

— Ну такъ, голубчикъ, выходи изъ боченка. Я дамъ тебѣ все, что захочешь.

— Что же ты дашь?

Старикъ былъ богаче царя. Онъ выпустилъ Петера изъ бочки и далъ Петеру всѣ свои сады и дворцы, всѣхъ своихъ слоновъ и верблюдовъ—и съ радостью залѣзъ въ бочку самъ:

— Скоро я буду въ раю.

Петеръ забилъ его наглухо и, спрятавшись за кусточкомъ, впадѣль, какъ утромъ, чуть свѣтъ, прибѣжалъ въ одномъ халатикѣ царь, толкнулъ бочку ногой, и бочка покатила прямо въ море.

— Наконецъ-то я покончилъ съ Петеромъ! — радостно сказалъ царь и побѣжалъ обратно во дворецъ.

Прибѣгаетъ къ крыльцу, а у крыльца стоитъ слонъ. На слонѣ сидитъ Петеръ и улетаетъ раземничатый крендель.

Царь такъ удивленъ, что даже ротъ отъ удивленія разинулъ.

— Откуда ты взялся, Петеръ? Откуда у тебя этотъ слонъ?

— А съ морского дна, — отвѣчаетъ Петеръ. — Тамъ слоновъ безъ счету, бери, сколько хочешь.

— Да не можетъ быть!

— Ну, конечно. Кто же этого не знаетъ! Тамъ, подъ водою, сидитъ царь Элефантъ, онъ велѣлъ тебѣ кланяться и зоветъ тебя къ себѣ погостить. Онъ дастъ тебѣ слона какого хочешь: зеленаго, синега, розоваго.

Царь даже подпрыгнулъ отъ радости. Онъ былъ очень жадный и любилъ, когда ему дарили слоновъ.

— Милый Петеръ, посади меня скорѣе въ бочку, я ѣду къ морскому царю.

И бросился бѣгомъ на высокую гору и самъ залѣзъ въ бочку, но, какъ ни сжимался, ни ежился, бочка была для него слишкомъ мала. Корона торчала наружу и мѣшала царю помѣститься въ бочкѣ. Тогда онъ снялъ корону, надѣлъ на Петера и сказалъ:

— Носи ее, пока не вернусь. Да смотри, чтобы она не пропала.

— Не бойсь, не пропадетъ!—отвѣчалъ ему Петеръ, толкнулъ бочку сапогомъ и ушелъ.

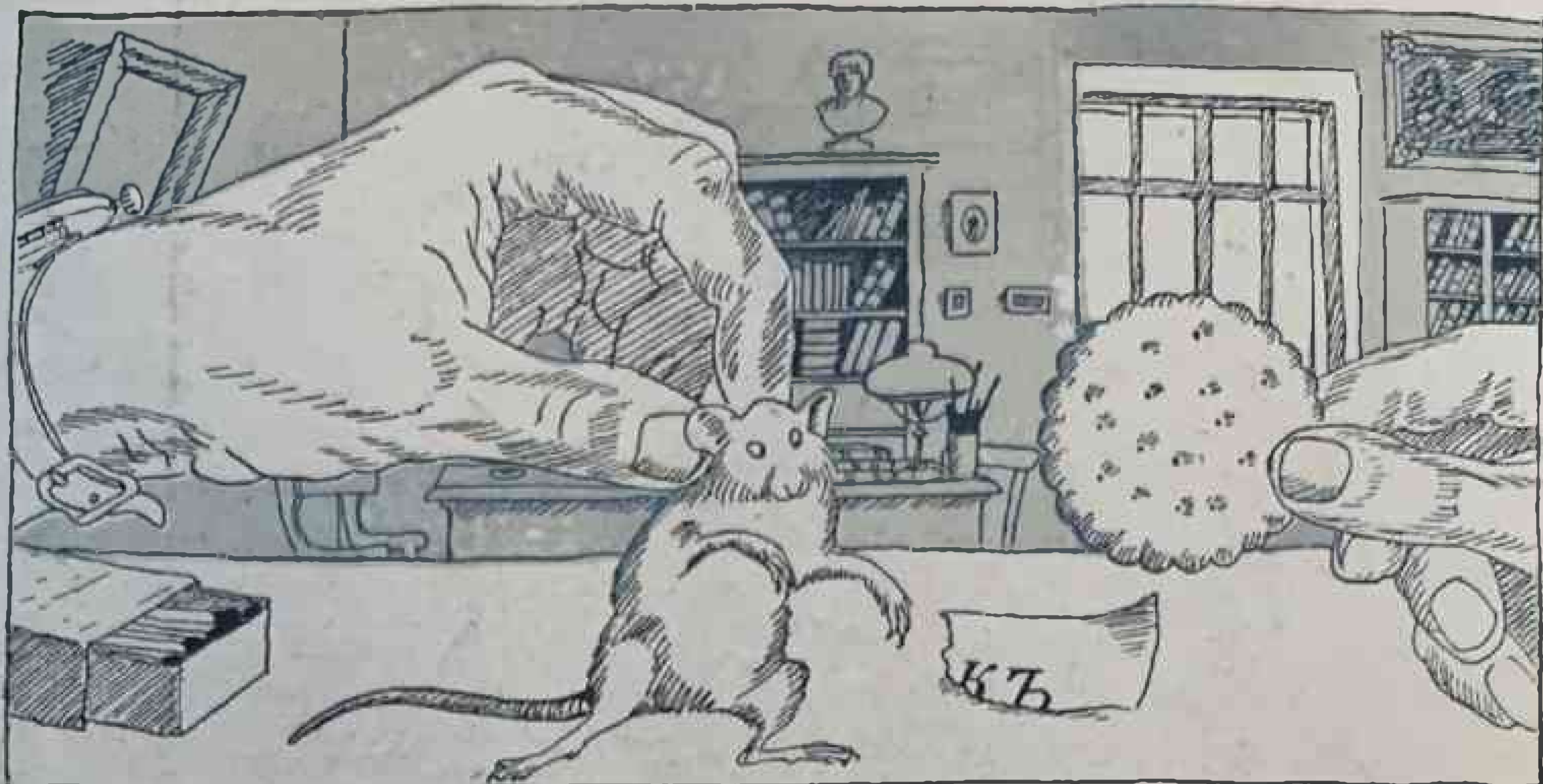
Люди увидѣли Петера въ коронѣ и закричали: «онъ царь!»

И сталъ Петеръ царемъ, и всѣ радовались, что избавились отъ глупаго царя.

Особенно ликовали вельможи: давно они не ѣли картошки.

Пересказалъ Н. Чуковскій.

РАЗГОВОРЪ ЧЕЛОВѢКА СЪ МЫШКОЙ, КОТОРАЯ ЇСТЪ ЕГО КНИГИ

Мой милый Книжникъ, ты совсѣмъ
Опять изгрызъ два тома. Ловокъ!
Не стыдно ль пользоваться тѣмъ,
Что не люблю я мышеловокъ?

Хоть бы съ меня примѣръ ты бралъ!
Я дель-денской читаю книжки,
Но развѣ ты хоть разъ видалъ,
Что я грызу ихъ, какъ коврижки?

Изъ книгъ мы знаемъ, какъ живутъ
Индѣйцы, негры, эскимосы;
Въ журналахъ люди задаютъ
Другъ другу умные вопросы:

Гдѣ путь въ Америку лежитъ?
Какъ ближе: моремъ или сушей?
Ну, словомъ,—вотъ тебѣ бисквитъ,
А книгъ пожалуйста не кушай.

Владиславъ Ходасевичъ.

БЛОШКИ

Веселенькія блошки,
Двѣ блошки-быстроножки,
Сегодня поутру
Затѣяли игру...

Играли, танцовали,
Ныряли въ одѣялѣ,
И скокъ себѣ да скокъ
На Викушкинѣ чулокѣ...

Лежалъ чулокъ на стулѣ—
Здѣсь блошки отдохнули...
И дальше прыгъ-прыгъ
На нянинѣ воротникѣ...

Вотъ здѣсь пошло веселье:
На ухо нянѣ сѣли,
И ну играть-скакать
На сѣденькую прядь!..

Смѣются и хохочутъ
Ей за-ухомъ щекочутъ...

Вдругъ...
Караулъ!
Няня—за ухо
(Ишь ты, старуха!)
Блошекъ—ловить!
Хватать! Давить!
А тѣ—изъ-подъ рукъ
Да на стулѣ
Подъ чулокъ—
И... молчокъ!..

Натанъ Венгровъ.

*

ЗВѢРИ ДЛЯ ХОРОШИХЪ ДѢТЕЙ.

КАКЪ ПРОПАЛА БАБА-ЯГА

СКАЗКА П. ЛЮБВИНОЙ, ИЛЛ. Б. ПОПОВА.

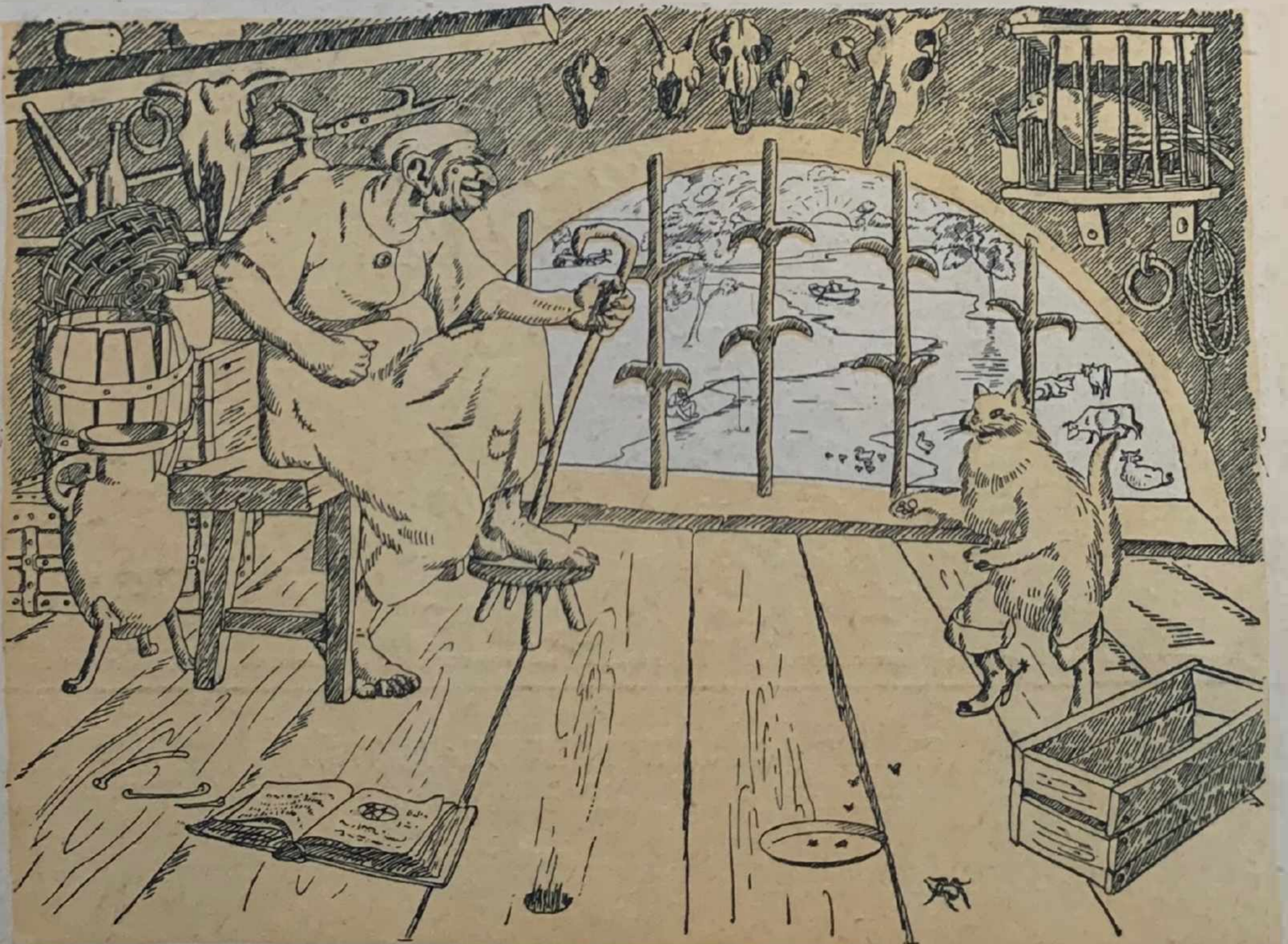
Жила-была Баба-Яга. Злющая. Жила она одна въ высокой башнѣ.

Пуще всего не любила она маленькихъ дѣтей. Увидятъ ее дѣти, и ну плакать, а она ихъ цапъ-царапъ! И съѣсть. Не терпѣла Баба-Яга дѣтскаго плача.

Вотъ однажды пришелъ къ башнѣ маленькій мальчикъ. Былъ онъ весь кругленькій, точно апельсинъ. И щеки у него были красныя, какъ два королька.

Видитъ мальчикъ: въ окошкѣ Баба-Яга сидитъ, а около нея котъ вертится. Не долго думая, взлѣзъ мальчикъ на башню.

Посмотрѣлъ онъ на Бабу-Ягу. Увидѣлъ, что у нея на концѣ носа волосокъ завивается, да какъ начнетъ смѣяться, такъ что даже на полъ отъ смѣха свалился. И катается по полу, смѣется и катается.

Хочетъ Баба-Яга схватить его,—а мальчикъ у нея пзъ-подъ рукъ катится, какъ апельсинъ.

Она за нимъ, а онъ смѣется, и дальше.

Она за нимъ, а онъ еще дальше.

А за ними, за обоими, котъ вирипрыжку...

Ловила Баба-Яга мальчика, ловила да и сама давай смѣяться. Насмѣявшись вдоволь, всталъ мальчикъ, подошелъ къ Бабѣ-Ягѣ и говоритъ:

— Какая ты Баба-Яга?! Смѣешься! Я тебя не боюсь!

Сунулъ руки въ карманы и пошелъ.

— Нѣтъ никакой Бабы-Яги!

Перестали съ тѣхъ поръ дѣти бояться Бабы-Яги. Что это за Яга—смѣшная! Заросли дорожки къ ея башнѣ. Сама башня пропала, а Баба-Яга большой зеленой птицей улетѣла за тридевять морей въ тридесятое царство.

Г.В.

МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

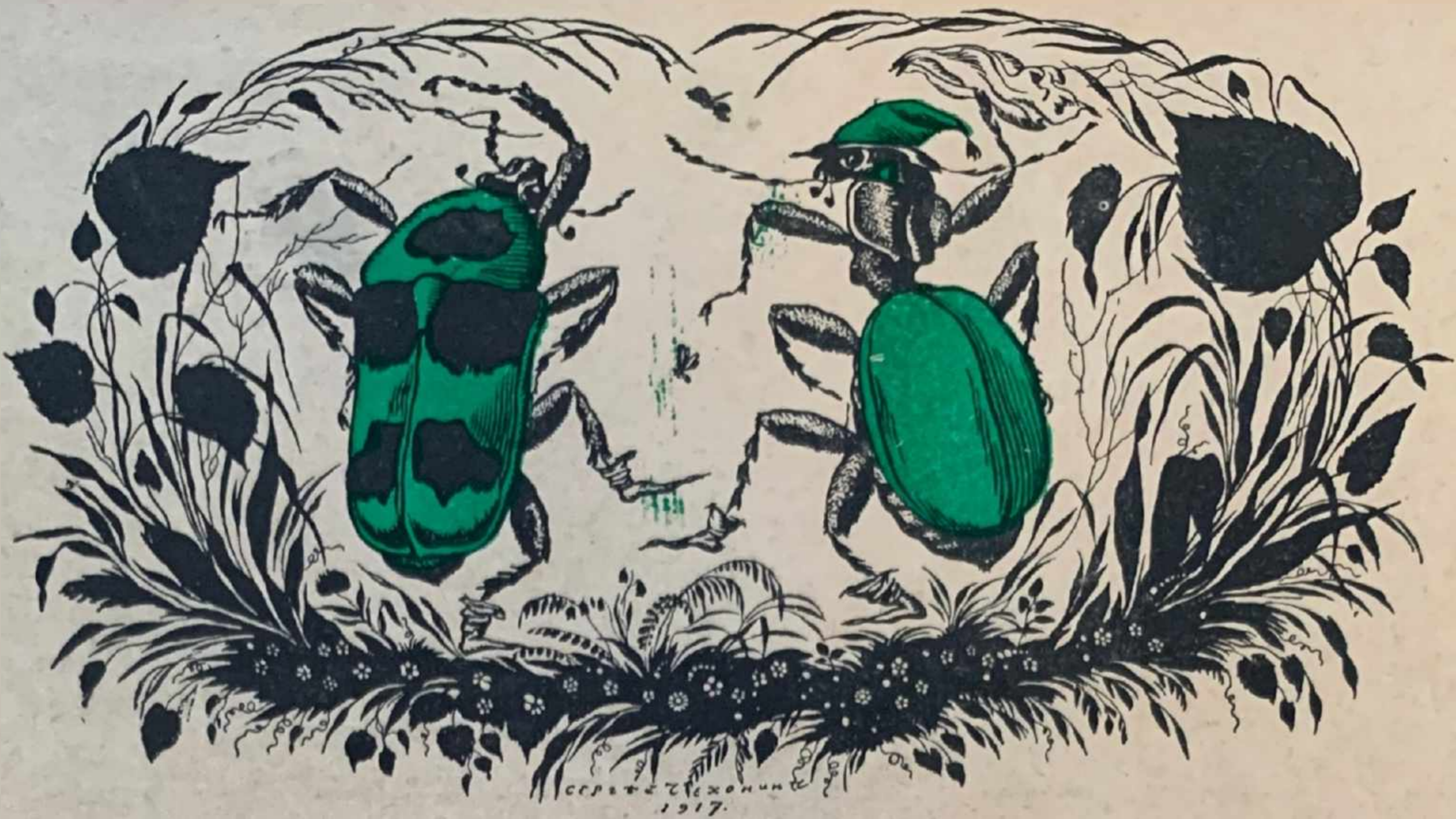
Погляди, какая злочка!
 Носъ, какъ закорючка!
 На затылкѣ—хвостъ мышинный!
 Зубы—въ три аршина!
 Только и знаетъ,—
 Шпыняетъ:

— Котенка не гладь!
 — Мухъ не считай!
 — Пиши въ тетрадь
 Слова па «ять»!
 — Читай! Читай! Читай! Читай!

А миѣ бы на дворъ, да въ рожицу!
 А на солицѣ утепокъ полощется...
 А въ окошко
 Кошка
 Пробирается.

А она опять придирается:
 — Въ окно не гляди!
 — Подъ столъ не лѣзь!
 — Сиди
 Здѣсь!
 У... у! Противная!

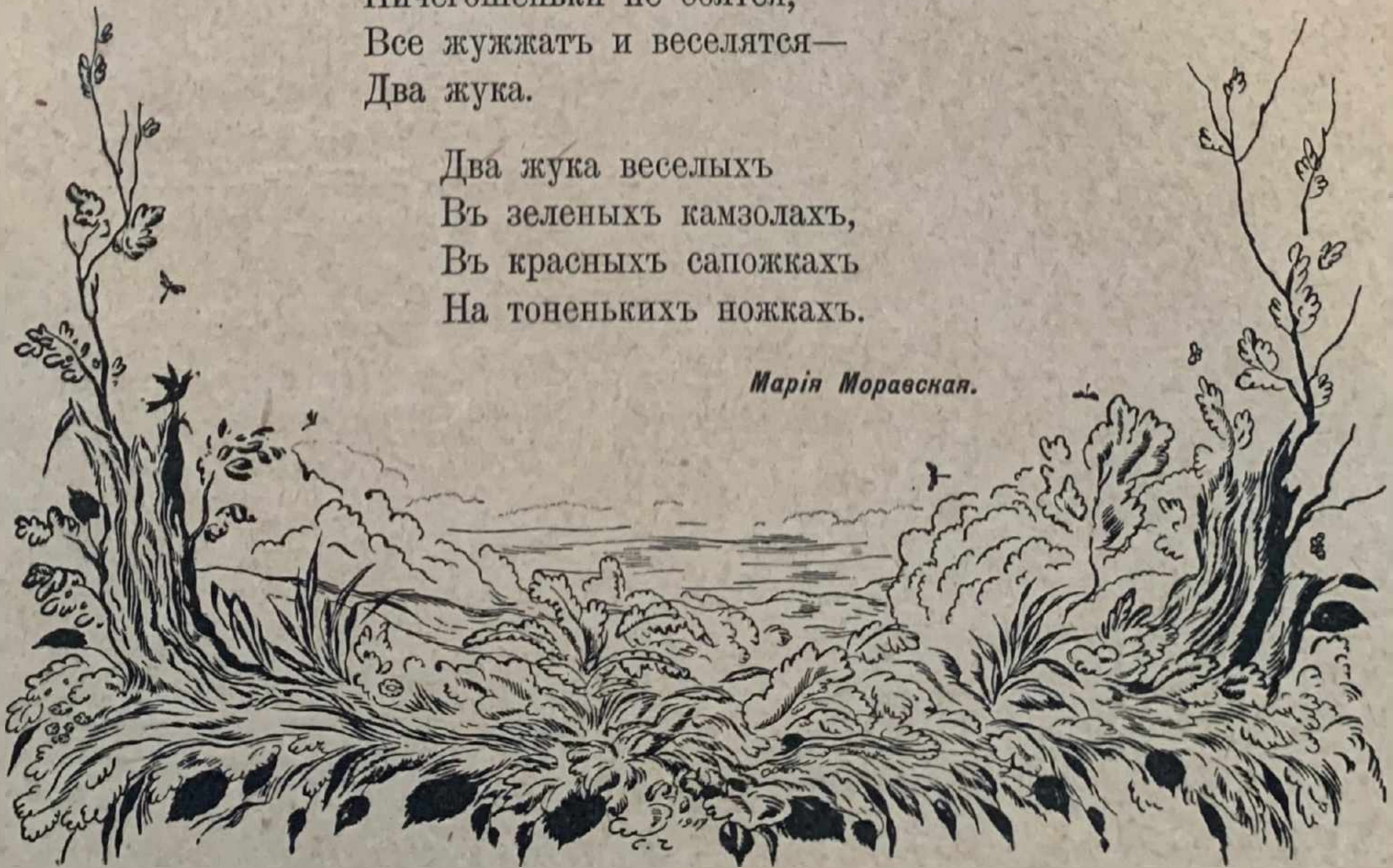

ДВА ЖУКА

Жили-были два жука,
Два жука.
Жизнь у нихъ была легка:
Пляшутъ, взявшись за бока,
Полевого трепака,
Дразнить ось и паука.
Ничегошеньки не боятся,
Все жужжать и веселятся—
Два жука.

Два жука веселыхъ
Въ зеленыхъ камзолахъ,
Въ красныхъ сапожкахъ
На тоненькихъ ножкахъ.

Марія Моравская.

Трубочистъ

Кто пришелъ? Трубочистъ.
Для чего? Чистить трубы.
Чернощекій, бѣлозубый,
А въ рукѣ огромный хлысть...

Сбоку ложка, какъ для супа.
Кто навралъ, что онъ—злодѣй?
Въ свой мѣшокъ владеть дѣтей?
Это очень даже глупо!

Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не страшный:
Сажу высыпалъ на жестъ,
Бубликъ вытащилъ вчерашній—
Будетъ ѣсть.

Рано утромъ на разсвѣтѣ
Онъ встаетъ и кофе пьетъ,
Чистить пятна на жилетѣ,
Курить и поетъ.

Видишь, вотъ беретъ онъ шапку.
Улыбнулся. Видишь, да?
Дай ему скорѣе лапку!
Сажу смоешь,—не бѣда.

Саша Черный.

ПРО ИВАНУШКУ ДУРАЧКА

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВА

Жиль-быль Иванушка-Дурачокъ, собою красавецъ, а что ня сдѣлаеть, все у него смѣшно выходить не такъ, какъ у людей.

Наняль его въ работники одинъ мужикъ, а самъ съ женой собрался въ городъ; жена и говорить Иванушкѣ:

— Останешся ты съ дѣтьми, гляди за ними, накорми ихъ!

— А чѣмъ?—спрашиваетъ Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари—будетъ похлебка!

Мужикъ приказываетъ:

— Дверь стереги, чтобы дѣти въ лѣсъ не убѣжали!

Уѣхавъ мужикъ съ женой; Иванушка влѣзъ на полати, разбудилъ дѣтей, стащилъ ихъ на полъ, самъ сѣлъ сзади ихъ и говоритъ:

— Ну, вотъ, я гляжу за вами!

Посидѣли дѣти нѣкоторое время на полу,—запросили ѣсть; Иванушка втащилъ въ избу кадку воды, насыпалъ въ нее полмѣшка муки, мѣру картошки, разболталъ все коромысломъ и думаетъ вслухъ:

— А кого крошить надо?

Услыхали дѣти,—испугались:

— Онъ, пожалуй, насъ искрошитъ!

И тихонько убѣжали вонъ изъ избы.

Иванушка посмотрѣлъ вслѣдъ имъ, почесалъ затылокъ,—соображаетъ:

— Какъ же я теперь глядѣть за ними буду? Да еще дверь надо стеречь, чтобы она не убѣжала!

Заглянулъ въ кадушку и говоритъ:

— Варись, похлебка, а я пойду за дѣтьми глядѣть!

Спялъ дверь съ петель, взвалилъ ее на плечи себѣ и пошелъ въ лѣсъ; вдругъ навстрѣчу ему Медвѣдь шагаетъ—удивился, рычитъ:

— Эй, ты, зачѣмъ дерево въ лѣсъ песешь?

Разказалъ ему Иванушка, что съ нимъ случилось,—Медвѣдь сѣлъ на заднія лапы и хохочетъ:

— Экой ты дурачокъ! Вотъ я тебя съѣмъ за это!

А Иванушка говоритъ:

— Ты лучше дѣтей съѣшь, чтобъ они въ другой разъ отца-матери слушались, въ лѣсъ не бѣгали!

Медвѣдь еще сильнѣй смѣется, такъ и катается по землѣ со смѣху!

— Никогда такого глупаго не видалъ! Пойдемъ, я тебя женѣ своей покажу!

Повелъ его къ себѣ въ берлогу. Иванушка идетъ, дверью за сосны за-дѣваетъ.

— Да брось ты ее!—говоритъ Медвѣдь.

— Нѣтъ, я своему слову вѣренъ: обѣщавъ стеречь, такъ ужъ устерегу!

Пришли въ берлогу. Медвѣдь говоритъ женѣ:

— Гляди, Маша, какого я тебѣ дурачка привелъ! Смѣхота!

А Иванушка спрашиваетъ Медвѣдицу:

— Тетя, не видала ребятишекъ?

— Мои—дома, спятъ.

— Ну-ка, покажи, не моп ли это?

Показала ему Медвѣдица трехъ медвѣжатъ; онъ говоритъ:

— Не эти, у меня двое было.

Тутъ и Медвѣдица видитъ, что онъ глупенькій, тоже смѣется:

— Да вѣдь у тебя человѣчьи дѣти были!

— Ну, да,—сказалъ Иванушка,—разберешь ихъ, маленькихъ-то, какіе чьи!

— Вотъ забавный!—удивилась Медвѣдица и говоритъ мужу:

— Михайло Потапычъ, не станемъ его ѣсть, пусть онъ у насъ въ работахъ живетъ!

— Ладно,—согласился Медвѣдь,—онъ хоть и человѣкъ, да ужъ больно безобидный!

Дала Медвѣдица Иванушкѣ лукошко, приказываетъ:

— Поди-ка, набери малины лѣсной,—дѣтишки проснутся, я ихъ вкусненькимъ угощу!

— Ладно, это я могу!—сказалъ Иванушка.—А вы дверь постерегите!

Пошелъ Иванушка въ лѣсной малинникъ, набралъ малины полное лукошко, самъ досыта наѣлся, идетъ назадъ къ Медвѣдямъ и поетъ во все горло:

— Эхъ, какъ неловки
Божія коровки!
То ли дѣло—муравьи
Или ящерицы!

Пришелъ въ берлогу, кричитъ:

— Вотъ она, малина!

Медвѣжата подбѣжали къ лукошку, рычатъ, толкаютъ другъ друга, кувыркаются,—очень рады!

А Иванушка, глядя на нихъ, говоритъ:

— Эх-ма, жаль, что я не Медвѣдь, а то и у меня дѣти были бы!

Медвѣдь съ женой хохочутъ.

— Ой, батюшки мои!—рычитъ Медвѣдь—да съ нимъ жить нельзя, со смѣху помрешь!

— Вотъ что,—говоритъ Иванушка,—вы тутъ постерегите дверь, а я пойду ребятшекъ искать, не то хозяинъ задастъ мнѣ!

А Медвѣдица проситъ мужа:

— Миша, ты бы помоги ему!

— Надо помочь,—согласился Медвѣдь,—ужъ очень онъ смѣшной!

Пошелъ Медвѣдь съ Иванушкой лѣсными тропами, идутъ—разговариваютъ по-пріятельски:

— Ну и глупый же ты!—удивляется Медвѣдь, а Иванушка спрашиваетъ его:

— А ты—умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты—злой?

— Нѣтъ. Зачѣмъ?

— А по-моему—кто золь, тотъ и глупъ. Я, вотъ, тоже не злой. Стало быть, оба мы съ тобой не дураки будемъ!

— Ишь ты, какъ вывелъ!—удивился Медвѣдь.

Вдругъ—видятъ: сидятъ подъ кустомъ двое дѣтей, уснули.

Медвѣдь спрашиваетъ:

— Это твои, что ли?

— Не знаю,—говоритъ Иванушка,—надо ихъ спросить. Мои—ѣсть хотѣли.

Разбудили дѣтей, спрашиваютъ:

— Хотите ѣсть?

Тѣ кричатъ:

— Давно хотимъ!

— Ну,—сказалъ Иванушка,—значитъ, это и есть мои! Теперь я поведу ихъ въ деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мнѣ некогда, мнѣ еще надобно похлебку варить!

— Ужъ ладно!—сказалъ Медвѣдь.—Принесу!

Идетъ Иванушка сзади дѣтей, смотритъ за ними въ землю, какъ ему приказано, а самъ поетъ:

— Эхъ, вотъ такъ чудеса!

Жуки ловятъ зайца.

Подъ кустомъ сидитъ лиса,

Очень удивляется!

Пришелъ въ избу, а ужъ хозяева изъ города воротились, видятъ: посреди избы кадушка стоитъ, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, дѣтей нѣтъ, дверь тоже пропала,—сѣли они на лавку и плачутъ горько.

— О чемъ плачете?—спросилъ ихъ Иванушка.

Тутъ увидали они дѣтей, обрадовались, обнимаютъ ихъ, а Иванушку спрашиваютъ, показывая на его стряпню въ кадкѣ:

— Это чего ты надѣлалъ?

— Похлебку!

— Да развѣ такъ надо?

— А я почему знаю—какъ?

— А дверь куда дѣвалась?

— Сейчасъ ее принесутъ,—вотъ она!

Выглянули хозяева въ окно, а по улицѣ идетъ Медвѣдь, дверь тащитъ, народъ отъ него во всѣ стороны бѣжитъ, на крыши лѣзутъ, на деревья; собаки испугались—завязли, со страху, въ плетняхъ, подъ воротами; только одинъ рыжій пѣтухъ храбро стоитъ среди улицы и кричитъ на Медвѣдья:

— Кину въ рѣку-у!...

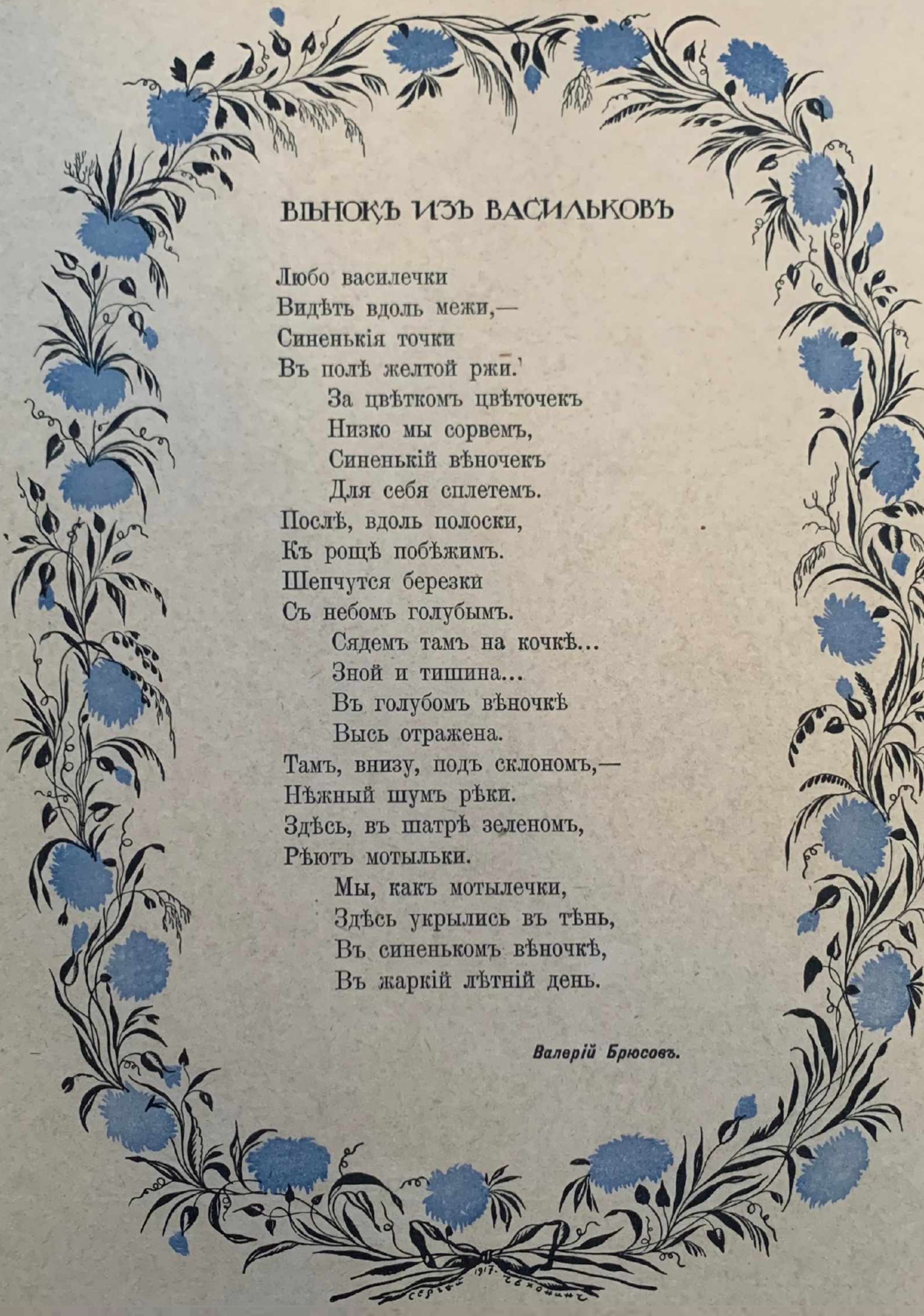
Редусы

3

Разгадка этого ребуса помещена на страницѣ 55 ой.

ВѢНОКЪ ИЗЪ ВАСИЛЬКОВЪ

Любо василечки
Видѣть вдоль межи,—
Синенькія точки
Въ полѣ желтой ржи.
За цвѣткомъ цвѣточекъ
Низко мы сорвемъ,
Синенькій вѣночекъ
Для себя сплетемъ.

Послѣ, вдоль полоски,
Къ рощѣ побѣжимъ.
Шепчутся березки
Съ небомъ голубымъ.
Сядемъ тамъ на кочкѣ...
Зной и тишина...
Въ голубомъ вѣночкѣ
Высь отражена.

Тамъ, внизу, подъ склономъ,—
Нѣжный шумъ рѣки.
Здѣсь, въ шатрѣ зеленомъ,
Рѣютъ мотыльки.

Мы, какъ мотылечки,
Здѣсь укрылись въ тѣнь,
Въ синенькомъ вѣночкѣ,
Въ жаркій лѣтній день.

Валерій Брюсовъ.

ХОЧУ КОТЕНКА

Кто ты? бархатный медвѣдь?
Ну, и спи въ покоѣ.
А мнѣ хочется имѣть
Что-нибудь живое.

Надоѣли куклы всѣ,
Поѣздъ мой мудреный...
Будто бѣлка въ колесѣ,
Вертятся вагоны.

Пикнулъ птенчикъ заводной
Такъ противпо-толко...
Уберите все долой,
Дайте мнѣ котенка!

Марія Моравская.

ДОМИКЪ ВЪ САДУ

Въ саду было пусто. Только на полянкѣ за елками на весь садъ весело стучалъ топоръ. Стучалъ да стучалъ.

На стукъ топора изъ бѣлаго дома приплелась кошка Маргаритка. Сѣла на кучу прошлогоднихъ листьевъ и видитъ: стоитъ среди поляны рыжій плотникъ Данила и тешетъ бревно.

Обошла кошка вокругъ Данилы, обнюхала пахучую желтую щепку, которая, какъ сумасшедшая, прыгнула къ ней на носъ изъ-подъ топора,—и давай мяукать:

— Мяу-муръ, муръ-и-мяу,—я знаю, что это будетъ!

— А что, госпожа кошка?—вѣжливо спросилъ скворецъ съ березы и нагнулъ внизъ голову со своей жердочки.

— Мяю! Вамъ очень хочется знать?

— Чики-вики, очень.

— Видите ли, въ томъ бѣломъ домѣ живутъ двѣ дѣвочки...

— Розовая и бѣлая?

— Мяу, да, и у нихъ есть папа, такой огромный папа, въ два раза больше самой большой собаки. Да. Такъ вотъ этотъ папа вчера заказалъ плотнику Данилѣ для своихъ дѣвочекъ домъ...

— Чики-вики, скворешникъ?

— По-вашему скворешникъ, а по-нашему—домъ.

И вотъ—хлопъ, гдѣ-то щелкнула дверь, и съ крыльца бѣлаго дома понеслись вперегонку къ полянкѣ двѣ дѣвочки: одна въ розовомъ, поменьше, круглая, какъ колобокъ,—Тася; другая въ бѣломъ, длинненькая и худая, какъ жердочка,—Лиля.

Прибѣжали и давай прыгать вокругъ Данилы:

— Данила, Данилушка, миленькій, самый миленькій, когда же домъ будетъ готовъ?

— Черезъ мѣсяць.

— Ай-яй-яй! Да вы не шутите, мы серьезно васъ спрашиваемъ...

— Ну черезъ недѣлю.

Тася и Лиля посмотрѣли другъ на друга и вздохнули:

— Вотъ тебѣ разъ!

— Сегодня будетъ готово къ обѣду,—сказалъ Данила, улыбаясь въ рыжую бороду. —А что мяѣ за это будетъ?

— Все! Все, все! Все, что хотите, Данилушка!..

— Ладно. Все, такъ все.—Гушъ! гупъ!—и топоръ опять заходилъ по бревну.

Распилилъ Данила бревно на четыре куска, заострилъ концы, словно карандаши очинилъ, и вбилъ въ землю.

— Ловко!—сказала кошка,—это онъ будетъ полъ настилать.

А изъ бѣлаго дома приковылялъ еще одинъ человѣчекъ: кухаркинъ сынокъ, Василій Ивановичъ, вѣсомъ съ курицу, двухъ лѣтъ съ хвостикомъ, румяный, какъ помидоръ. Пришелъ, налецъ въ ротъ, вытаращилъ глазки, пустилъ слюну и смотреть.

— Васенька, иди-ка, червячокъ, сюда, посмотри,—позвала его Лиля и посадила рядомъ съ собой на бревно. Сидятъ, какъ галки, всѣ четверо: Лиля, Тася, кошка и Василій Ивановичъ и смотрятъ. Хорошо!

А Данила старается. Знаетъ онъ, каково ждуть, когда домъ строится!

Притащилъ изъ сарая доски, собралъ быстро стѣнки,—хитрый былъ, молчалъ, а все у него было заготовлено,—вставилъ раму, приложилъ такъ, чтобы окно къ рѣчкѣ выходило, чтобы все можно было видѣть: и лодки, и утокъ, и купальную пеструю будку...

— Муръ-мяу,—сказала кошка и ткнула Лилю головой,—окно со стекломъ, какъ же я буду влѣзать?! Это онъ, вѣрно, нарочно, за то, что я у него вчера ватрушку стянула...

— Да не приставай ты, чучелка!—Лиля не понимала кошкинаго языка, да и некогда было съ ней возиться.

— Данила, Данила,—запищала Тася,—а, Данила?

— Чего?

— Уже можно жить?

— По - го - ди...

— Какая смѣшная дѣвочка!—заскрипѣла скворчиха надъ головою у Таси.— Какъ же можно жить безъ крыши и безъ дверцы? Ага, вотъ и дверцы! Какія большія и совсѣмъ не круглыя! Ничего онъ не понимаетъ, этотъ Данила...

Кошка посмотрѣла однимъ глазомъ на скворчиху и лѣниво зѣвнула:

— Мняу... Эй ты, скворечная курица, иди-ка лучше въ свой ящикъ спать! Сама ты ничего не понимаешь, а еще рассуждаешь, тоже....

Скворчиха сдѣлала видъ, что не слышитъ,—стоитъ ли со всякой кошкой связываться!

— Съ новосельемъ!—сказалъ Данила, взялъ топоръ подмышку, набилъ трубку, закурилъ и ушелъ.

Ай-да домикъ! Настоящая крыша, настоящія дверцы, настоящее окно...

А внутри какъ хорошо, прямо запищитъ отъ удовольствія. Стѣны струганыя, свѣтленькія, по бокамъ лавочки, какъ въ вагонѣ. Подъ окномъ столикъ на крючкахъ, смолой пахнетъ, чистенькій такой, словно его кошка языкомъ облизала. Окошко со стеклами, переливается, а за окномъ, какъ на ладошкѣ, вся голубая рѣка: утки плывутъ и кланяются, верба на берегу зелеными лентами машетъ, желтый катерокъ пробѣжалъ, фыркая, какъ мокрая собака. Хорошо!

Посмотрѣла Лиля на Тасю, Тася—на Лилю, Василій Ивановичъ—на кошку и кошка на всѣхъ,—вдругъ что-то всѣ вспомнили и сразу затормозились. А мебель? А картинки? А занавѣски? А кухня? А посуда?

— Ахъ ты Боже мой, какія мы свистульки!

Подхватили дѣвочки Василю Ивановича—одна справа, другая слѣва—подмышки, какъ самоваръ, и понесли къ дому. Кошка осталась. Ходить да нюхаетъ все: новый домикъ, надо же привыкнутьъ.

Смотрятъ съ березы скворецъ и скворчиха и удивляются,—никогда еще въ саду они такого чуда не видали. Впереди шагаетъ Василій Ивановичъ, пыхтитъ и волочитъ по землѣ красный коврикъ, за нимъ въ припрыжку Тася съ цѣлымъ кукольнымъ семействомъ на рукахъ, за ней Лиля съ жестяной кухней, съ рѣзной полочкой, съ самоваромъ, за ними мама съ занавѣской и посудой (такая большая, а съ дѣвочками играть!), за ней папа, шпрокій, какъ купальная будка, идетъ, очками на солнцѣ блеститъ, а въ рукѣ молотокъ и картинки, за нимъ кухарка съ морковками, а въ самомъ хвостѣ старая черная собака Арапка—ничего не песеть, идетъ, языкъ высунула и тяжело дышитъ...

— Чики-вики,—запищала скворчиха,—идемъ скорѣй въ скворешникъ, у меня даже голова закружилась...

Пошла работа! Разостлали въ домикъ коврикъ, углы утыкали зеленой вербой, прибили картинку «мальчика-съ-пальчика», приколотили полочку, разставили посуду, накололи занавѣску,—и готово!

Папа съ кухаркой Агашей были оба толстые и никакъ не могли пролѣзть въ дверь, какъ ни старались. Поздравили дѣвочекъ со двора съ новосельемъ и ушли. А мама, маленькая, худенькая, осталась было съ ними жить, все разставила, все прибрала, вытерла Василю Ивановичу носъ, сняла съ волосъ малиновую ленту и навязала ее кошкѣ, ради новоселья, вокругъ шеи и только собралась съ ними стряпать, какъ ее позвали въ бѣлый домъ... Ушла, какъ ее ни просили остаться.

— Нельзя,—говорить,—червячки! У васъ свой домъ, у меня свой,—какъ же домъ безъ хозяйки останется? До свиданья.

Такъ и ушла.

— А у насъ кто же будетъ хозяйкой?—спросила Тася.

— Я!—сказала Лиля.

— А я?

— И ты тоже.

— А Василій Ивановичъ?

— Нашъ сынъ.

— А кошка?

— Судомойка.

— Мпяу! Скажите, пожалуйста!—обидѣлась кошка.—Почему судомойка?

— Потому, что тарелки лижешь,—захрипѣла старая Арапка, хлопая, какъ деревяшкой, хвостомъ по полу.

— А ты не лижешь?

— Лижу, да не твои.

— Эй, вы, не ссориться!—Тася топнула башмачкомъ, взяла ведро и пошла къ рѣчкѣ за водой.

Возлѣ дома на траву поставили кухню, собрали щепокъ, растопили плиту, перемыли въ ведеркѣ морковку, нарѣзали и поставили вариться, а сами опять въ домъ.

Только усѣлся и затворили дверцы,—слышать, изъ бѣлаго дома кто-то спѣшить, задыхается.

— Молчать, сидѣть тихо!—скомандовала Лиля.

Тася посмотрѣла въ щелку и уткнулась губами въ Василю Ивановича: смѣшно, хоть на полъ садись, а разсмѣяться нельзя.

А за дверцами стоялъ важный человекъ: братъ Витя, пригостишка, въ длинныхъ штанишкахъ, съ дѣвочками играть не любилъ,—стоялъ и смотрѣлъ.

— Отворить?—шепнула Тася.

— Пусть попроситъ.

— Эй, вы!—раздалось за дверью.

Ни гу-гу.

— Что вы тамъ, въ самомъ дѣлѣ, затворились?

Ни гу-гу.

— Да пустите же, курпцы!

— Пустить?—опять шепнула Тася.

— Слушай,—Лиля подбѣжала къ двери и взялась за крючокъ:—мы тебя пустимъ жить, только, только...

— Что только?

— Что ты намъ принесешь въ домъ?

— Жаренаго таракана.

— Кушай самъ! Нѣтъ,—ты серьезно скажи...

— А вотъ, а вотъ... я вамъ... выкрашу крышу!

Трахъ! Крючокъ слетѣлъ, и сама дверь чуть не спрыгнула съ петель, домъ такъ и закачался.

— Выкрасишь крышу?!

— Могу.

— Въ зеленую краску?

— Могу и въ зеленую.

Витя былъ большой мастеръ. Черезъ полчаса крыша была зеленая, какъ лягушка, и Витины руки были зеленыя, и кошкннъ хвостъ былъ зеленый (зачѣмъ суется?), и даже на Тасинъ башмакъ капнула зеленая краска.

Вода въ кастрюлкѣ закипѣла. Вытащили морковку, разрѣзали на кусочки, разложили на тарелочки и дали всѣмъ—и Василю Ивановичу, и Арапкѣ, и кошкѣ. А когда пообѣдали, опять заперли дверь на крючокъ, тѣсно-тѣсно усѣлись на лавочкѣ и давай пѣть:

— Нашъ домъ! Нашъ домъ!

Съ окномъ!

Съ крыльцомъ!

Нашъ домъ! Нашъ домъ!

Съ потолкомъ!

Съ крючкомъ!...

Замѣчательная пѣсня.

Цѣлый день не вылѣзали изъ домика, и когда позвали ихъ обѣдать въ большой домъ, такъ и не пошла: заставили все принести себѣ въ домикъ.

Такъ и просидѣли до вечера. Ночевать въ домикѣ имъ не позволили, да и холодно,—приплось идти всей компаніей въ бѣлый домъ, въ свою дѣтскую. Ахъ, какъ не хотѣлось!

Ушли. Луна вылѣзла изъ-за рѣчки. Въ домикѣ стало пусто и тихо. Совсѣмъ тихо. Кошка проводила дѣтей и вернулась. Обошла домикъ кругомъ,—дверь на задвижкѣ. Какая досада! Тамъ за лавочку во время обѣда завалился кусочекъ котлеты, завтра прозѣваешь,—Арапка съѣсть. Она на это мастерица!

Сидитъ кошка, зѣвасть: идти въ сарай на стружки спать или здѣсь передъ дверью клубкомъ свернуться? И вдругъ прислушалась,—шуршитъ что-то въ домикѣ, шуршитъ да шуршитъ. Забѣжала съ другой стороны, ухватила когти за окно, смотритъ—сидитъ на столикѣ за стекломъ мышь и ѣсть кошкину котлету, лапками такъ и перебираетъ.

— Ахъ ты, разбойница!

Разсердилась кошка, даже зубами заскрипѣла. А мышь увидѣла ее, смѣется, хвостикомъ машетъ, дразнитъ,—за стекломъ не страшно.

Свалилась кошка на траву, посидѣла, подумала и пошла къ дверямъ:

— Тутъ и лягу... Утромъ Лиля и Тася дверь откроютъ,—покажу я тебѣ, какъ чужія котлеты ѣсть!..

Не знала она, глупая, что въ углу, когда плотникъ Данила полъ сбивалъ, одинъ сучокъ изъ доски выскочилъ: много ли мышкѣ надо, чтобы уйти?..

Саша Черный.

ІЕРЕМІЯ-ЛѢНТЯЙ

СВАЗКА КС. БОГЪСІАНСКОЙ. РИСУНКА ВЪ ПУНН.

илъ-быль старенькій Парикмахеръ.

Сѣденькій, сторбленый, на животикѣ ножницы привѣшаны, а отъ самого мыломъ да духами пахнетъ. Онъ былъ такой старенькій и медлительный, что пока немножко волосъ сострижетъ, ужъ другіе на ихъ мѣсто вырастутъ.

У него былъ сынъ Іеремія, сонный и лѣнивый, какъ зимняя муха. Сидитъ, супъ ѣсть; ложку до рта не допесетъ—заснетъ, захрапять; поспитъ немного—проснется, а ужъ супъ холодный,—нести надо подогрѣ-

вать. Согрѣется супъ, сядетъ Іеремія его ѣсть, да опять заснетъ. Проснется—опять тащи супъ на печку.

Такъ онъ и не могъ никогда досыта покушать.

Вотъ и говорить ему однажды отецъ:

— Старъ я сталъ, да и вижу плохо: не дай Богъ, застригу кого-нибудь до полусмерти. Пора тебѣ за работу приниматься. Далъ ему ножницы въ руки и велѣлъ старое кресло стричь, изъ котораго отъ дряхлости волосы вылѣзли.

А Іеремія уткнулся носомъ въ стѣнку—засопѣлъ, захрапѣлъ,—спитъ.

Отцу это страшно не понравилось.

— Я тебя учу,—говоритъ,—а ты спишь. Ну, когда такъ, ужъ если ты такой лѣнивый, такъ убирайся съ глазъ моихъ долой.

Вытолкалъ Іеремію вопъ и дверь на цѣпочку закрылъ.

Ушелъ Іеремія изъ дому, пошелъ куда глаза глядятъ.

Идетъ день, идетъ два—такъ долго шелъ, что даже спать на ходу научился.

Вотъ однажды идетъ, спитъ и вдругъ споткнулся, открылъ глаза, видитъ: на землѣ туго-набитый кошелекъ лежитъ. Хотѣлъ онъ его поднять, да лѣнь нагнуться; подумалъ немножко, а потомъ рѣшилъ—не стоитъ трудиться, и отправился дальше.

Шелъ онъ часа полтора, прошелъ шаговъ двадцать и столкнулся носъ къ носу съ Маленькимъ Человѣчкомъ въ большущихъ очкахъ. Ничего изъ за очковъ и не видно, какъ-будто одни очки на вожжахъ идутъ.

Іеремія сразу догадался, что это колдунъ.

— Извините,—говоритъ,—я васъ не ушибъ ли?

— Вы моего кошелька не видали?—забасилъ вдругъ колдунъ.

— Видѣлъ, видѣлъ,—сказалъ Іеремія.

— Гдѣ же кошелекъ?

— А тамъ же на дорогѣ лежитъ, далеко отсюда, часа два ходьбы.

Глуный ты малый, а, видно, честный,—говоритъ колдунъ,— и пахнетъ отъ тебя мыльцемъ, ужъ не паракмахерскій ли ты подмастерье? Вотъ дарю тебѣ въ награду за честность эти Волшебныя Ножницы.

И съ этими словами исчезъ. Иеремія положилъ ножницы въ карманъ и пошелъ дальше.

Наконецъ подошелъ къ городу Первердасу.

Видитъ: огромныя ворота, а городъ маленькій, и на воротахъ объявленіе виситъ. Началь Иеремія читать, пять разъ засыпалъ, пока читалъ,—такое длинно. Вотъ что было написано:

«Симъ объявляется всѣмъ жителямъ Первердаса, что завтра устраивается пятое и послѣднее состязаніе парикмахеровъ.

Король Кирикусъ Пятый».

— Гмъ!—сказалъ Иеремія и вошелъ въ ворота. А подъ воротами Спиридонъ сидитъ, слезы по щекамъ размазываетъ, а слезы текутъ, текутъ—ужъ порядочное озерко наплакалъ.

— Что ты плачешь?—спрашиваетъ Иеремія,—можетъ быть, тебѣ спать хочется?

— Спаать?!—протянулъ Спиридонъ.—Да ужъ весь городъ двѣ недѣли не спитъ, всѣ сидятъ, думаютъ, да плачутъ. Такая сырость развелась, что ужъ по улицамъ нельзя безъ калошъ пройти.

Тутъ, вдругъ, изъ-за его плеча, раздалось такое чиханье, что у Иереміи чуть шляпа не слетѣла съ головы.

— Это Вегъ,—сказалъ Спиридонъ,—королевскій куаферъ *), Адольфъ Вегъ.

*) Куаферъ—по-французски причесывикъ.

Куаферъ привсталъ и оказался весьма полнымъ человѣкомъ на маленькихъ кривыхъ ножкахъ.

— Да, милостивый государь,—сказалъ онъ, сморкаясь и складывая платокъ въ карманъ.—Вы видите передъ собою парикмахера, которому грозитъ чувствительная непріятность. Въ высшей степени чувствительная непріятность.

И онъ разсказалъ Іереміи слѣдующую исторію:

— Въ этой странѣ царствовалъ могущественный король Кирикусъ. Король Кирикусъ еще въ дѣтствѣ былъ необычайно уменъ, и отъ этого у него голова была тяжелѣе туловища, и когда онъ шелъ, то все головой объ стулья хлопался. И такъ себѣ голову настучалъ, что вся она поросла шишками. Поэтому стричь короля очень неудобно: некрасивая прическа выходитъ. И вотъ на завтра назначено состязаніе: если найдется такой парикмахеръ, что короля красиво ежикомъ подстрижетъ, то будетъ онъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. А не найдется— всѣхъ парикмахеровъ въ тюрьму посадятъ. И такъ какъ король уже всѣхъ парикмахеровъ перепробовалъ, и ни у одного хорошо не выходило, то придется, значить, всему сословію въ тюрьму садиться.

Послѣ этого Адольфъ Вегъ захныкалъ, зачихалъ, зафыркалъ, но Іеремія не сталъ его слушать, а пошелъ записываться на состязаніе.

Вотъ на другой день, когда пришла Іереміина очередь, вытащилъ онъ Ножницы изъ кармана, приставилъ къ королевскому затылку, а Ножницы какъ защелкали, заскрипѣли, стригутъ во-всю сами—только волосы въ разныя стороны летятъ. Всѣмъ придворнымъ глаза запорошило.

Однимъ словомъ, выстригъ короля великолѣпно.

Король посмотрѣлся въ зеркало и сказалъ:

— Ничего себѣ, красиво.

И взялъ его во дворецъ придворнымъ куаферомъ—жить да поживать, да по двадцать часовъ въ сутки спать.

А остальное время Іеремія короля подстригалъ, прихорашивалъ, самъ—стоитъ, ярлычки на флакопахъ съ одсколономъ читаетъ, а ножницы знай—стригутъ. Такъ прошло два года. Іеремія растолстѣлъ и еще лѣнивѣе сталъ.

Но вотъ однажды ѣлъ король сардинки и капнулъ себѣ на горностаевую мантию. А Мантия была дорогая.

— Экая досада,—сказалъ король королевѣ.—Самый лучший костюмъ испачкалъ, ужъ лучше бы я тебѣ на платье капнулъ.

Отдали мантию Іереміи и велѣли осторожно бензиномъ почистить.

А Іереміи лѣнь за бензиномъ въ аптеку сходить.

«Ну ее,—думаетъ,—завтра почищу».

Положилъ мантию на столъ, а самъ спать завалился.

Такъ ему спать хотѣлось, что и Ножницы Волшебныя на столѣ позабылъ.

Только онъ захрапѣлъ, Ножницы принялись за работу.

Всю мантию выстригли чисто-на-чисто, подъ 1-й номеръ.

Утромъ Іеремія проснулся, сходилъ, купилъ на 10 копеекъ бензину да такъ и ахнулъ: видитъ мантия стриженная.

Разсердился, схватилъ Ножницы и выкинулъ за окно.

А ужъ отъ короля гонцы за гонцами: подавай ему мантию, да поскорѣй, да не пахнетъ ли она бензиномъ?

Наконецъ не дождался король, пошелъ за мантией самъ.

Іеремія слышитъ, по коридору кто-то топаетъ,—пріоткрылъ дверь и остолбенѣлъ: самъ Кирикусъ Пятый стоитъ въ халатѣ.

Ну, ужъ тутъ Іереміи никакъ было не отвертѣться. Приплось королю все рассказать: и что у него Ножницы были волшебныя, и какъ онѣ мантию подстригли.

Дрожитъ Іеремія, рассказываетъ, а самъ голову пѣть-нѣтъ и потрогаетъ,—боятся, чтобъ отъ страху голова не отвалилась.

— Такъ,—сказалъ король.—Ну хорошо, Іеремія, предположимъ, я тебя казню. Такъ. А подавай миѣ сюда Ножницы!

— Да я ихъ выкинулъ,—говоритъ Іеремія.

— Ахъ ты, сонная тетеря,—завопилъ король,—кто же меня стричь будетъ? Сѣлъ за столъ и написалъ большущую бумагу:

«Приказываю своимъ подданнымъ оставить всѣ свои занятія и явиться къ главному Министру Королевскихъ Носовыхъ Платковъ.

А виновные будутъ строго наказаны.

Король Кирикусъ Пятый».

Вотъ всѣ подданные явились, дѣла свои побросавъ, и велѣлъ имъ министръ поиски начинать. Ищутъ, ищутъ—ничего не могутъ найти.

Іеремія спитъ, сидя въ тюрьмѣ, подданные ищутъ, а король все въ зеркало смотритъ, какъ у него волосы растутъ.

— А что, Машенька,—спрашиваетъ королеву,—не пора ли ужъ стричь?

— Давно пора,—говоритъ королева.

— А позвать сюда Іеремію!

Привели его солдаты, соннаго съ соломы сняли.

— Ну,—говоритъ король,—даю тебѣ сроку три дня. Можешь выспаться хорошенько, а потомъ я тебя повѣшу. Но только сначала ты долженъ будешь меня постричь. Плохо выйдетъ,—придется повѣсить. Хорошо выйдетъ,—сдѣлаю тебя опять придворнымъ парикмахеромъ.

Пошелъ Іеремія назадъ въ тюрьму.

Сидѣлъ три дня и три ночи, все думалъ, и весь сонъ съ него соскочилъ.

Думалъ, думалъ, ничего придумать не могъ.

Насталъ четвертый день, открылъ тюремщикъ тюрьму огромнымъ ключомъ и потащилъ Іеремію за ворота во дворецъ.

А тамъ король сидитъ, бушуетъ,—никакъ пообѣдать хорошенько не можетъ: волосы мѣшajúть, такіе длинныя отросли, что въ глаза лѣзутъ и, какъ король кушать соберется, на носъ ему свѣсятся и въ соусъ мокнуть.

— Вотъ,—сказалъ король грустно и отодвинулъ тарелку,—совсѣмъ уже и кушать не могу, вотъ какъ волосами заросъ. Стриги, Іеремія, скорѣй! Да смотри: чуть что не такъ,—повѣшу!

Отъ страху у Іереміи затряслись руки, но дѣлать нечего. Взялъ онъ ножницы и такъ изуродовалъ царскую прическу, что ужасъ: стала голова какъ стогъ сѣна, пзъ за уха клокъ мочалы повисъ; на маковкѣ просто вѣеръ получился. Всѣ такъ и прыснули: «вотъ такъ огородное чучело!»

— Ну что,—спрашиваетъ король,—какъ выходить?

Глянулъ Іеремія однимъ глазкомъ на придворныхъ—видить: хохочутъ, смѣются, подмигиваютъ—очень смѣшная прическа.

— Ну,—повторилъ король,—что же вы молчите? Отвѣчайте.

Придворные отъ страху чуть не попадали, трепещутъ, не знаютъ, что и сказать,—по такъ какъ неудобно сказать королю, что онъ безобразное пугало, то выступилъ изъ толпы первый министръ и сказалъ, что у короля въ новой прическѣ удивительно величественный видъ.

— Га, такъ ты, значить, находишь, что я красавецъ?—сказалъ король, очень довольный.

— Изумительный красавецъ, восхитительный!—пропѣли королю придворные.

— Ну, а коли восхитительный, то и вы всѣ извольте носить такія же прически, а если кто не захочетъ, того я посажу въ тюрьму.

Такъ всѣ и ходятъ теперь въ городѣ Первердасѣ какъ огородныя чучела, съ метелками, вмѣсто прически: ничего не подѣлаешь—мода.

А Іереміей король остался очень доволенъ, повѣсилъ ему на шею огромную золотую медаль съ надписью «королевскій цирюльникъ», и съ тѣхъ поръ Іеремія живетъ да поживаетъ въ городѣ Короля Киркуса, и лѣнь съ него какъ рукой сняло—открылъ парикмахерскую и стрижетъ весь городъ.

Я самъ у него стригся па прошлой недѣлѣ, и теперь у меня такая прическа, что даже лошади на улицѣ смѣются.

ФОФКА

Дѣтскую оклеили новыми обоями. Обои были очень хорошіе, съ голубыми цвѣточками.

Но никто не досмотрѣлъ, ни обойщикъ, который продавалъ обои, ни мама, которая ихъ купила, ни нянька Анна, ни горничная Маша, ни кухарка Домна, словомъ никто, ни одинъ человекъ, не досмотрѣлъ вотъ чего:

Маляръ приклеилъ на самомъ верху, вдоль всего карниза, бумажную полосу. На полосу были нарисованы пять собакъ, а посрединѣ ихъ желтый цыпленокъ, съ пумпушкой на хвостѣ. Рядомъ опять сидятъ кружкомъ пять собачекъ и цыпленокъ. Рядомъ еще пять собачекъ и цыпленокъ съ пумпушкой. И такъ вдоль всей комнаты на самомъ верху подъ карнизомъ пять собачекъ стерегутъ желтаго цыпленка.

Маляръ наклеилъ полосу, слѣзъ съ лѣстницы и сказалъ:

— Ну-ну!

Но сказалъ такимъ голосомъ, что это было не просто—«ну-ну», а что-то похуже. Да и маляръ былъ необыкновенный маляръ, до того испачканный красками и мѣломъ, что никакъ нельзя рассмотреть, какой это былъ маляръ. Звали его Панкратомъ. Когда онъ шелъ по коридору и тащилъ лѣстницу, то сапоги его сами собою топали. Онъ взялъ деньги за работу, заворчалъ, падѣлъ дырявое пальто и вдругъ пропалъ вмѣстѣ съ лѣстницей, точно его никогда и не было.

А потомъ и оказалось: мама никогда такой полосы съ собаками и цыпленкомъ не покупала. Позвонили по телефону въ магазинъ, оттуда отвѣтили:— «виноваты-съ, мы ничего не знаемъ».

Сначала мама разсердилась, потомъ пришла въ дѣтскую и сказала:

— Ну, что-же, очень мило—собачки и цыпленокъ,—и велѣла намъ ложиться спать.

Насъ, дѣтей, было двое у нашей мамы, я и Зина. Легли мы спать. Нянька зажгла лампадку и ушла. Зина мнѣ и говорить:

— Знаешь что? А цыпленка то зовутъ Фофка.

Я спрашиваю:

— Какъ такъ Фофка?

— А вотъ такъ, самъ увидишь.

Мы долго не могли заснуть, трусили. Вдругъ Зина шепчетъ:

— У тебя глаза открытые?

— Нѣтъ, зажмуренные.

— Ты ничего не слышишь?

Я наострилъ оба уха, слышу — потрескиваетъ гдѣ то, попискиваетъ. Открылъ въ одномъ глазу щелку, смотрю—лампадка мигаетъ, а по стѣнѣ бѣгаютъ тѣни, какъ мячики. Въ это время лампадка затрещала и погасла.

Зина сейчас же залѣзла ко мнѣ подъ одѣяло, закрылись мы съ головой. Она и говоритъ:

— Фофка все масло въ лампадкѣ вышилъ.

Я спрашиваю:

— А шарпки зачѣмъ по стѣнѣ прыгали?

— Это Фофка отъ собакъ убѣгалъ, слава Богу они его поймали.

На утро проснулись мы, смотримъ—лампадка совсѣмъ пустая, а наверху, въ одномъ мѣстѣ, около Фофкинаго клюва—масляная капля.

Мы сейчас же все это рассказали мамѣ, она ничему не повѣрила, засмѣялась. Кухарка Домпа засмѣялась, горничная Маша засмѣялась тоже, одна нянька Анна покачала головой.

Вечеромъ Зина мнѣ опять говоритъ:

— Ты видѣлъ, какъ нянька покачала головой?

— Видѣлъ.

— Что-то будетъ! Нянька не такой человѣкъ, чтобы напрасно головой качать. Ты знаешь зачѣмъ у пасъ Фофка появился? Въ наказанье за наши съ тобой шалости. Вотъ почему нянька головой качала. Давай ка лучше припомнимъ все шалости, а то будетъ еще хуже.

Начали мы припоминать. Припоминали, припомипали, припоминали и запутались. Я говорю:

— А помнишь, какъ мы на дачѣ взяли гнилую доску и положили черезъ ручей? Шель портной въ очкахъ, мы кричимъ: «идите, пожалуйста, черезъ доску, здѣсь ближе». Доска сломалась и портной упалъ въ воду. А потомъ Домпа ему животъ утюгомъ гладила, потому что онъ чихалъ.

Зина отвѣчаетъ:

— Неправда, этого не было, это мы въ книжкѣ читали.

Я говорю:

— Ни въ одной книжкѣ про такую гадкую шалость не напишутъ. Это мы сами сдѣлали.

Тогда Зина сѣла ко мнѣ на кровать, поджала губы и сказала противнымъ голосомъ:

— А я говорю: напишутъ, а я говорю: въ книжкѣ, а я говорю, ты по ночамъ рыбу ловишь.

Этого, конечно, я снести не могъ. Мы сейчас же поссорились. Вдругъ кто то цапнулъ страшно больно меня за носъ. Смотрю и Зина за носъ держится.

— Ты что?—спрашиваю Зину. И она отвѣчаетъ мнѣ шопотомъ:

— Фофка. Это онъ клоннулъ.

Тогда мы поняли, что намъ не будетъ отъ Фофки житья.

Зина сейчас же заревѣла. Я подождалъ и тоже заревѣлъ. Пришла нянька, развела насъ по постелямъ, сказала, что если мы не заснемъ сію же минуту, то Фофка отключетъ намъ весь носъ до самой щеки.

На другой день мы забрались въ коридоръ за шкафъ. Зина говоритъ:—Съ Фофкой нужно прикончить.

Стали думать, какъ намъ избавиться отъ Фофки. У Зины были деньги—на переводныя картинки. Рѣшили купить кнопокъ. Отпросилсь гулять и прямо побѣжали въ магазинъ «Пчела». Тамъ двое гимназистовъ приговорительнаго класса покупали картинки для наклеиванья. Цѣлая куча этихъ замѣчательныхъ картинокъ лежала на прилавкѣ, и сама госпожа «Пчела», съ подвязанной щекой, любовалась, жалѣя съ ними разстаться. И все таки мы спросили у госпожи «Пчелы» кнопокъ на всѣ тридцать копѣекъ.

Потомъ вернулись домой, подождали, когда отецъ и мама уйдутъ со двора, прокралась въ кабинетъ, гдѣ стояла деревянная, лакированная лѣстница отъ библиотеки, и притащили лѣстницу въ дѣтскую.

Зина взяла коробочку съ кнопками, залѣзла на лѣстницу подъ самый потолокъ и сказала:

— Повторяй за мной: я съ моимъ братомъ Никитой даемъ честное слово никогда не шалить, а если мы будемъ шалить, то не очень, а если даже очень будемъ шалить, то сами потребуемъ, чтобы намъ не давали сладкаго ни за обѣдомъ, ни за ужиномъ, ни въ четыре часа. А ты, Фофка, сгинь, чуръ, чуръ, пропади!

И когда мы сказали это оба громко въ одинъ голосъ, Зина приколола Фофку кнопкой къ стѣнѣ. И такъ приколола быстро и ловко,—не пикнулъ, ногой не дрыгнулъ. Всѣхъ было шестнадцать Фофокъ, и всѣхъ приколола кнопками Зина, а собачкамъ—каждой—носикъ помазала вареньемъ.

Съ тѣхъ поръ Фофка намъ больше не страшна. Хотя вчера поздно вечеромъ на потолкѣ началась было возня, пискъ и царапанье, но мы съ Зиной спокойно заснули, потому что кнопки были не кое какія кнопки, а куплены у госпожи «Пчелы».

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

РАЗГАДКА РЕБУСА,

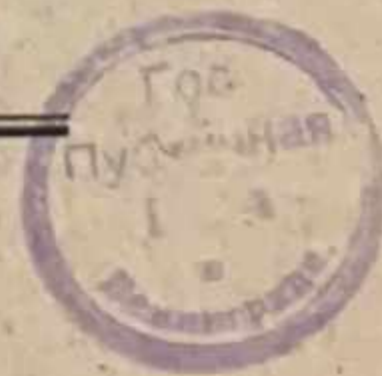
помѣщеннаго на страницѣ 39-ой.

Первое—Ночь.

Второе—Ной.

Третье—Сто рожъ.

А все вмѣстѣ—вотъ:

СОДЕРЖАНІЕ

- Обложка—работа худ. В. Лебедева.
Титульный листъ—раб. худ. В. Лебедева.
Рисунокъ раб. худ. Александра Бенуа.
Самоваръ—разск. М. Горькаго, рис. худ. Ю. Анненкова.
Зайчикъ—стих. Н. Венгрова, рис. худ. В. Лебедева.
Джекъ побѣдитель великановъ, англійская народная сказка,
пересказалъ К. Чуковский, рисунки худ. В. Замирайло.
Сказка о Глупомъ Царѣ,—норвежская сказка, пересказалъ
К. Чуковский, рис. Валентины Ходасевичъ.
Разговоръ Человѣка съ Мышкой, которая ѣсть его книги,—
стих. В. Ходасевичъ. рис. худ. Б. Попова.
Блошки—стих. Н. Венгрова, рис. худ. Ю. Анненкова.
Звѣри для хорошихъ дѣтей и звѣри для нехорошихъ дѣтей,
рис. худ. А. Радакова.
Какъ пропала Баба-Яга,—сказка Н. Любовиной, рис. худ.
Б. Попова.
Моя учительница,—стих. С. Дубновой и Н. Венгрова, рис.
худ. В. Лебедева.
Два жука,—стих. М. Моравской, рисун. худ. С. Чехонина.
Трубочистъ,—стих. С. Чернаго, рис. худ. В. Лебедева.
Про Иванушку-Дурачка,—русская народная сказка, переска-
залъ М. Горькій, акварель И. Е. Рѣпина.
Ребусъ,—рис. худ. М. Добужинскаго.
Вѣнокъ изъ васильковъ, стих. В. Брюсова, рис. худ. С. Чехонина.
Хочу котенка, стих. М. Моравской, рис. худ. С. Чехонина.
Домикъ въ саду,—разск. С. Чернаго.
Іеремія лѣнтяй,—сказка К. Богуславской, рис. худ. Ив. Пуни.
Фофка,—разск. гр. Алексѣя Н. Толстого.
Разгадка ребуса.
Содержаніе.

